

СЕРГЕЙ
ЦВЕТКОВ

ОТ ЯРОСЛАВИЧЕЙ
ДО ВСЕВОЛОДА
БОЛЬШОЕ
ГНЕЗДО

Древняя Русь

эпоха

междоусобиц

XI—XIII вв.

Сергей Цветков

**Древняя Русь. Эпоха
междоусобиц. От Ярославичей
до Всеволода Большое Гнездо**

«Центрполиграф»

2016

УДК 94(47)
ББК 63.3

Цветков С. Э.

Древняя Русь. Эпоха междоусобиц. От Ярославичей до Всеволода
Большое Гнездо / С. Э. Цветков — «Центрполиграф», 2016

ISBN 978-5-227-07136-1

Книга известного писателя и историка С.Э. Цветкова посвящена эпохе расцвета Древней Руси (XI–XIII вв.). Автор показывает это время во всем его сложном противоречии: с одной стороны – бесконечные княжеские распри, с другой – настойчивое стремление великих представителей древнерусской государственности объединить страну. Цветков подробно прослеживает постепенное угасание могущества Киева и перемещение государственного центра тяжести на земли Северо-Восточной Руси. Необычайно интересно прорисованы ключевые фигуры этого времени: Юрия Долгорукого, Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо.

УДК 94(47)

ББК 63.3

ISBN 978-5-227-07136-1

© Цветков С. Э., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	56

С.Э. Цветков
Древняя Русь. Эпоха междоусобиц. От
Ярославичей до Всеволода Большое Гнездо

Часть первая
Время Ярославичей 1054–1093 гг.

Глава 1
Завещание Ярослава

Под конец своей жизни Ярослав, по всей видимости, испытывал острое беспокойство за судьбу династии. В 1052 г. в Новгороде умер его старший сын Владимир, смелый полководец и прославленный строитель пятиглавого новгородского собора Святой Софии, впоследствии причисленный Русской церковью к лику святых. Среди оставшихся пяти сыновей Ярослава не было никого, кто пользовался бы таким же безусловным авторитетом, и Ярослав опасался, что в будущем это может послужить причиной междоусобицы. В Ипатьевской летописи сохранилось

известие (под 1093 г.), что он отечески увещевал своего любимца, четвертого сына Всеволода¹, не действовать насилем, в обход старших братьев – Изяслава² и Святослава³, а дожидаться своей очереди, когда Бог даст ему получить старший киевский стол «правдою». Свидетель и участник братоубийственной распри 1015–1019 гг.⁴, Ярослав отлично знал, как быстро тает в междоусобных бранях самое многочисленное княжеское потомство. Не желая, чтобы в его семействе разыгралась та же кровавая драма, Ярослав незадолго до смерти, последовавшей в 1054 г., огласил нечто вроде своего политического завещания, призванного «урядить любовь» между его сыновьями и наследниками. Повесть временных лет излагает последнюю волю русского «самовластца» в следующем виде:

«В лето 6562 (1054). Преставися великий князь русьский Ярослав. И еще бо живущю ему, наряди сыны своя, рек им: «Се аз отхожу света сего, сынове мои; имейте в себе любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере⁵. Да аще будете в любви межю собою, Бог будеть в вас [с вами], и покорить вы противныя [ваших недругов] под вы, и будете мирно живуще. Аще ли будете ненавидно живуще, в распрях и которающесе [ссорась между собой], то погыбнете сами и погубите землю отец своих и дед своих, иже налезоса [которые приобрели ее] трудом своим великим; но пребывайте мирно, послушающе брат брата. Се же поручаю в себе место стол старейшему сыну моему и брату вашему Изяславу Киев; сего послушайте, якоже послушаете мене, да той вы будеть [да будет он вам] в мене место; а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Игорю⁶ Володимерь [Волынский], а Вячеславу⁷ Смолинеск». И тако раздели им грады, заповедав им не преступати предела братня, ни сгонити, рек Изяславу: «Аще кто хоцеть обидети брата своего, то ты помагай, [если] его же обидять». И тако уряди сыны своя пребывати в любви».

Изложение завещания от лица Ярослава, в форме прямой речи, свидетельствует о том, что оно, скорее всего, не было зафиксировано документально и летописец опирался здесь не на архивные записи, а на устное предание, бытовавшее во второй половине XI в. среди Ярославичей. Это, впрочем, не может подорвать нашего доверия к летописному сообщению. Поручкой его достоверности служит то, что основные положения «наряда» Ярослава полностью соответствуют политическому порядку, установившемуся между его сыновьями в первое десятилетие после 1054 г. В его основу легли три принципа, которые, очевидно, и должны были, по мысли Ярослава, служить универсальным регулятором династических отношений. Первый из них провозглашал подчиненную князьям «от рода русского» территорию («землю отец своих и дед своих») наследственной собственностью великокняжеского рода, отдельные представители которого могли владеть только известной частью наследия, а не всем родовым достоянием в целом. Второй налагал на братьев-наследников политическое и моральное обязательство не

¹ Рождение Всеволода в разных летописях отмечено под 1029 или 1030 г. Следующее известие о нем помещено под 1053 г., когда «у Всеволода родися сын, и нарече имя ему Володимер, от царицы грекини», дочери византийского императора Константина IX Мономаха (Цветков С.Э. Русская история. Кн. 3. М., 2006. С. 425). Далее Повесть временных лет сообщает, что Всеволод постоянно жил при отце, в Киеве, «бе бо любим отцемъ паче всея братьи, его же имяше присно у собе». Он же закрыл глаза Ярославу и похоронил его «в раце мороморяне [в мраморном гробу], в церкви святое Софье» (по В.Н. Татищеву, на церемонии погребения присутствовал также Изяслав Ярославич).

² Родился в 1024 г. В 1043 г. Ярослав женил Изяслава на Гертруде, сестре польского короля Казимира I (Цветков С.Э. Русская история. Кн. 3. С. 388); ее православное имя, кажется, было Елена (см.: *Древняя Русь* в свете зарубежных источников. М., 2000. С. 366). По летописным известиям, до 1052 г. Изяслав княжил в Турове, а после смерти старшего брата Владимира Ярославича был переведен на его место в Новгород.

³ Родился в 1027 г. и до смерти Ярослава княжил во Владимире-Волынском.

⁴ См.: Цветков С.Э. Русская история. Кн. 3. С. 311–338.

⁵ Имеется в виду вторая жена Ярослава, княгиня Ингигерд-Ирина (см. о ней: Цветков С.Э. Русская история. Кн. 3. С. 425).

⁶ В дошедших до нас списках Повести временных лет год рождения Игоря не означен. По данным Татищева, он родился в 1036 г. (Соловьев С.М. Сочинения. История России с древнейших времен. Кн. I. Т. 1–2. М., 1993. С. 669, примеч. 27).

⁷ В различных списках Повести временных лет рождение Вячеслава датировано 1033 или 1036 г. Татищев называет 1034 г. (Там же).

посягать на владения друг друга. Наконец, согласно третьему, ответственность за сохранение политического статус-кво ложилась на старшего из Ярославичей, Изяслава, заступавшего на родовой лестнице место отца по отношению к своим младшим братьям. Формальная целостность государства таким образом не нарушалась; правда, следует иметь в виду сообщение «Сказания о Борисе и Глебе» о том, что, согласно воле Ярослава, Изяслав являлся не единственным наследником верховной власти, а разделял ее с двумя другими соправителями Русской земли – Святославом и Всеволодом.

Принципы эти в общем не новы и не выходят за рамки традиционных представлений о вассально-иерархических отношениях между представителями княжеской династии в условиях родового быта⁸. Но это и не слепая дань традиции, а глубоко продуманная реакция на вполне конкретные события недавнего прошлого. Только это прошлое напоминает о себе неявным образом – его молчаливо подразумевают, с ним безмолвно полемизируют или столь же молчаливо отрицают. Так, прежде всего бросается в глаза отсутствие имен нескольких близких и дальних родичей Ярослава: его брата Судислава, внука Ростислава (сына умершего Владимира Ярославича)⁹ и внучатого племянника Всеслава Брячиславича. Однако не следует считать это случайным упущением. Все эти люди не упомянуты по той простой причине, что к моменту оглашения завещания сам ход событий вычеркнул их из перечня наследников Ярослава. Судислав – последняя жертва многолетней междоусобицы Владимировичей – еще в 1036 г. был осужден Ярославом на пожизненное заточение во Пскове¹⁰. Ростислав после смерти своего отца, новгородского князя Владимира Ярославича, перешел в разряд князей-изгоев, чьи родители умерли при жизни дедов, не заняв старшего стола¹¹, и потому исключенных из очереди старшинства и обреченных навсегда оставаться на низших ступенях родовой лестницы¹². По той же причине в завещание Ярослава не вошел его внучатый племянник князь Всеслав, сын полоцкого изгоя Брячислава Изяславича¹³, а его наследственная волость (Полоцк) не фигурирует в росписи городов, принадлежащих Ярославичам.

Еще интереснее то, что русский «самовластец», принявший из рук василевса имперский титул кесаря¹⁴, показывает себя в своем завещании решительным «антимонархистом», убежденным противником пересадки на русскую почву византийской монархической традиции, с ее понятиями о единовластии и праве императора назначать себе преемника. Позицию Ярослава в этом вопросе можно назвать последовательной и принципиальной, учитывая, что сорок лет назад он вступил на политическую сцену бескомпромиссным защитником родовых устоев, не побоявшимся пойти на открытый разрыв со своим отцом, который собирался их нарушить¹⁵.

⁸ Причем не только на Руси, но и вообще у славян. В хронике Козьмы Пражского под 1055 г. находим схожее завещание чешского князя Брячислава I своим сыновьям, «дабы всегда старейший имел верховную власть и стол княжения, а все его братья и все, кто из княжеского рода, были бы под его властью». Польский князь Болеслав III Кривоустый перед смертью (1137) «роздал отдельным сыновьям своим определенные части в Польше. Оставляя старшему город Краков, он установил, чтобы всегда тот, кто старейший в его роде, имел этот город, так чтобы если старейший умрет или откажется от своего права, то вступал бы во владение этим городом тот, кто во всем роде после него старейший» (письмо папы Иннокентия III к архиепископу Гнезненскому, 9 июля 1210 г.). Польский хронист Кадлубек разъясняет, что мысль Болеслава заключалась в том, «чтобы старшему принадлежали и княжение краковской области и княжеская власть». В отличие от славян «германский мир не знал ничего подобного» (Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Т. I. Киевская Русь. М., 1938. С. 142; Цветков С.Э. Русская история. Кн. 3. С. 8—13).

⁹ Родословная великих князей по Воскресенской летописи («Начало православных государей и великих князей Руских») сообщает, что у Владимира Ярославича был еще и другой сын, по имени Ярополк. Однако всего вероятнее, что это лицо легендарное, поскольку упомянуто лишь однажды и безотносительно к каким бы то ни было событиям середины – второй половины XI в.

¹⁰ Цветков С.Э. Русская история. Кн. 3. С. 370.

¹¹ Родословная великих князей особо отмечает, что Владимир Ярославич «на Киеве не сеживал».

¹² Цветков С.Э. Русская история. Кн. 3. С. 312.

¹³ Всеслав Брячиславич сел на полоцком столе после смерти отца в 1044 г.

¹⁴ Цветков С.Э. Русская история. Кн. 3. С. 425—426.

¹⁵ Там же. С. 272.

И вот, под конец жизни, подводя итог своему жизненному и государственному опыту, Ярослав подтвердил, что не находит нужным пересматривать свои взгляды. Устами Ярослава древнерусская политическая мысль надолго отвергла монархическую форму правления, отдав предпочтение старинному родовому порядку княжения.

Вместе с тем здесь можно расслышать и новаторские нотки, выделяющиеся из общего архаического лада завещания Ярослава и имеющие, безусловно, христианский источник. К таким новшествам относится, во-первых, привнесение в политическую жизнь нравственных категорий и понятий, освященных авторитетом Священного Писания. Так, фраза «Да аще будете в любви межю собою, Бог будет в вас, и покорить вы противныя под вы» несет в себе главный посыл всей политической философии средневекового христианства: Бог помогает праведным, тем, кто свято исполняет Его заповеди. Во-вторых, влияние христианства сказывается в наделении старых слов новым смысловым значением, взятым из церковного лексикона. Например, древнеславянское слово «любовь» употреблено уже в его христианском значении, вместо прежнего: «дружба», «согласие»¹⁶. и в-третьих, характерно, что необходимость для Ярославичей «пребывати в любви» обоснована ссылкой на то, что все они «есте братья единого отца и матере». Здесь мы наблюдаем попытку укрепить основы старого династического порядка семейными ценностями христианского брака, в противовес языческой полигамии, на которую, кажется, Ярослав возлагал ответственность за кровавый исход братоубийственной драки 1115–1119 гг.¹⁷

Это сочетание новаций и традиций сделало из завещания Ярослава своеобразный манифест политической культуры молодого государства, в понятийном обиходе которой «ведущее место занимали термины родства, а усилия идеологов элиты были направлены на то, чтобы находить в христианском учении основания для принятого династического порядка»¹⁸. Генеральная линия развития древнерусской государственности была предначертана на многие десятилетия вперед.

Приходится, однако, оговориться, что в сфере своего практического применения завещание Ярослава производит странное впечатление: оно как будто рассчитано на одно поколение или на то, что дети Ярослава будут жить вечно. Другими словами, оно не предполагает никаких численных изменений в составе великокняжеского семейства. В самом деле, как, например, следует поступить в случае смерти одного из братьев: считать ли завещанную ему долю наследственным владением его сыновей, которые вправе будут, в свою очередь, раздробить ее на части? Или же она должна перейти целиком к другому брату, следующему за умершим в порядке старшинства? А может быть, старший князь имеет право распорядиться выморочными землями по своему усмотрению? И наоборот: из какого земельного фонда следует выделять уделы для новых отпрысков размножающейся династии? И как, наконец, вообще соблюсти принцип старшинства при последующем усложнении родственных связей? Все эти вопросы повисают в воздухе. Поэтому, несмотря на свой внешний универсализм, завещание Ярослава не годилось для того, чтобы стать краеугольным камнем прочной политической системы. Рано или поздно наследники «самовластца» должны были столкнуться с неизбежными противоречиями и отклониться от предначертаний своего отца, ступив на путь импровизаций и приспособления к сиюминутной расстановке сил.

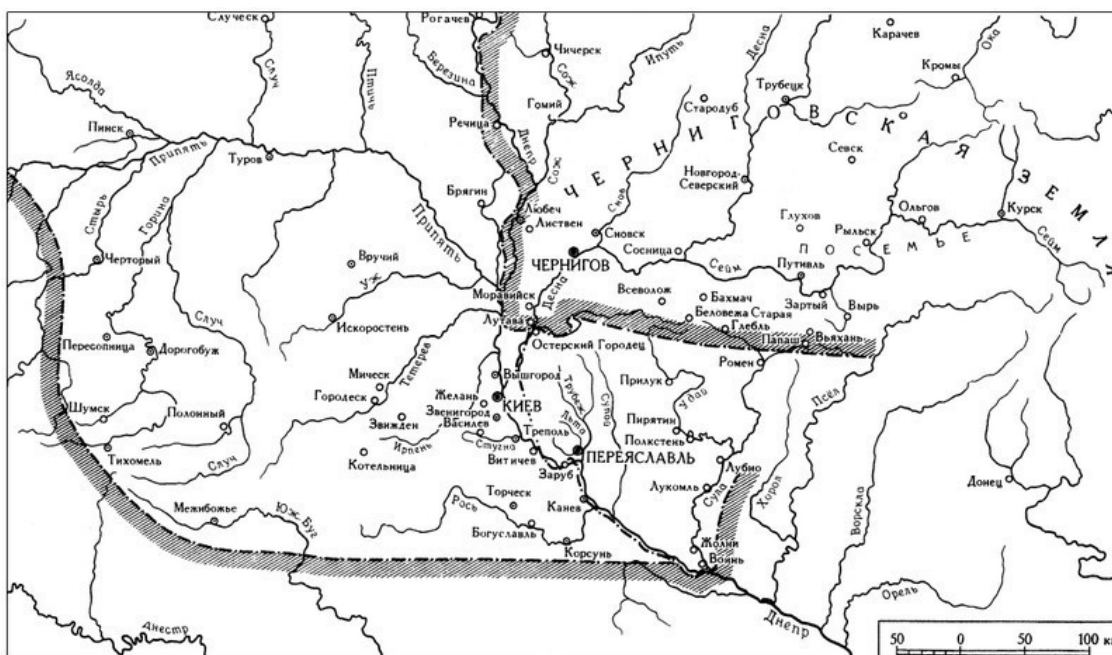
¹⁶ Ср., напр.: «...и оттоле увидят иные страны, какую любовь имеют Греки с Русью» (договор Игоря с Византией, 944 г.).

¹⁷ Сыновья Владимира по женской линии происходили от разных матерей (Цветков С.Э. Русская история. Кн. 3. С. 246–266).

¹⁸ Франклин С., Шепард Д. Начало Руси: 750—1200. СПб., 2000. С. 357.

Глава 2 Соправители

Но поначалу все пошло гладко. Свою ближайшую задачу завещание Ярослава выполнило. Ярославичи расселись по княжеским столам согласно воле покойного отца, без видимых неудовольствий и междоусобных свар.

Переяславское и Черниговское княжества (по А.Н. Насонову)

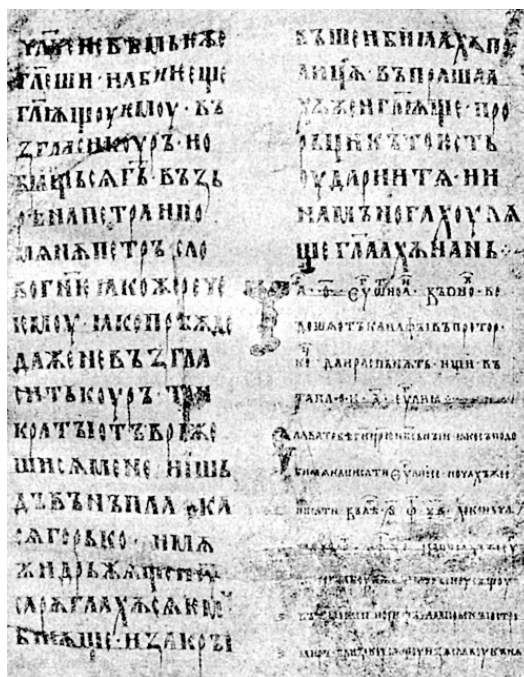
Для политической формы правления, сложившейся на Руси после смерти Ярослава, придумано расхожее название «триумвират старших Ярославичей»¹⁹. Аналогию нельзя признать удачной, ибо термин, взятый из политической практики разлагающейся Римской республики, только затемняет дело. Семейное соправление трех старших братьев, один из которых считался двумя другими «в отца место», конечно же меньше всего напоминает компромиссный альянс Помпея, Красса и Цезаря. Летописец описывает союз Ярославичей через понятие «трие»: «Ярославичи же трие – Изяслав, Святослав, Всеволод, – совокупивше вой...» (под 1067 г.). Но это «трие» отнюдь не равнозначно «триумвирату». Речь в данном случае идет об известной норме родовых отношений в древнерусском обществе, согласно которой в сложном роду, состоящем из братьев с их семействами (то есть из дядей и племянников), первое, властное поколение состоит только из трех наследников – трех старших братьев, а остальные, младшие братья отодвигаются во второе, подвластное поколение, приравниваясь к племянникам²⁰. Ярослав в своем завещании несомненно придерживался этой нормы, на что указывает не только упомянутое выше сообщение «Сказания о Борисе и Глебе», но и его собственные распоряжения, сделавшие из старших Ярославичей – Изяслава, Святослава и Всеволода – как бы совокупного владельца важнейших в государственном отношении русских волостей, включая их

¹⁹ Б.Д. Греков считал, что этот термин ввел в научный оборот А.Е. Пресняков (см.: Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 490). Н.Н. Коринный в этой связи пишет о военно-политической и церковной «диктатуре трех старших Ярославичей» (см.: Коринный Н.Н. Переяславская земля X – первая половина XIII века. Киев, 1992. С. 69).

²⁰ Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. М., 1989. Т. I. С. 182.

политическое ядро – Русскую землю в узком географическом значении (район Среднего Поднепровья).

Изяслав принял великое княжение и переехал из Новгорода в Киев, поставив новгородцам в князья своего старшего сына, несовершеннолетнего Мстислава²¹, порученного заботам посадника Остромира²². Таким образом старший Ярославич стал не только главою рода, но и владельцем крупнейшего удела, включавшего в себя, помимо Киевской и Новгородской волостей²³, Древлянскую и Турово-Пинскую земли. Во второй половине 50-х гг. XI в. он еще больше расширил свои владения, совершив удачные походы против эстонских племен и балто-литовской голяди (галиндов), обитавшей в бассейне Протвы.

Последняя страница Остромирова Евангелия, 1056 г

Святослав вступил во владение Черниговской землей. Ее территориальным ядром были Черниговская область (с городами Любеч, Сновск, Стародуб) и примыкавшие к ней с востока племенные земли северян (Новгород-Северский, Вырь, Курск).

Имея устойчивые естественные границы с Киевской землей на западе (Днепр) и с Переяславской на юге (Остер), Черниговское княжество раздвигало свои северные и северо-восточные рубежи, продолжая государственное освоение племенных территорий радимичей (Южное и Среднее Посожье), вятичей (муромо-рязанские земли) и колонизацию верховьев Десны и Северского Донца²⁴. По традиции, берущей начало с Городецкого раздела 1026 г. между Яро-

²¹ Родился предположительно в 1043 или 1044 г.

²² Владельца «первой русской книги» – знаменитого Остромирова Евангелия, рукописи, датируемой 1056–1057 гг. Из приписки, сделанной на ее полях писцом диаконом Григорием, известно, что супругой Остромира была некая Феофана, греческое имя которой соблазняет исследователей видеть в ней дочь князя Владимира и греческой царевны Анны (см.: *Полн. А. Феофана Новгородская // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). Л.; Новгород, 1997. С. 102–120*). В 1054 г. Остромир и Феофана должны были быть пожилыми по меркам того времени людьми (не моложе 40–45 лет), поскольку диакон Григорий призывает благословение не только на них самих, но и на «чядом ею и подружием чад ею», то есть на их детей и внуков.

²³ Приписка диакона Григория в Остромировом Евангелии сообщает, что Изяслав держит «обе власти», то есть Киев и Новгород.

²⁴ *Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 78–109.*

славом и Мстиславом²⁵, к черниговскому уделу была также присоединена Тмуторокань, где Святослав посадил своего сына Глеба с правом собирать «хазарскую» и «касожскую» дани²⁶.

Доставшаяся Всеволоду небольшая Переяславская волость была первым и единственным на то время русским княжеством, сформировавшимся вне границ определенного племенного образования, благодаря целенаправленным усилиям княжеской власти²⁷. В известном смысле удел Всеволода представлял собой древнерусский аналог пограничной франко-германской марки, заселенной военно-торговым людом. В политическом отношении Переяславская земля была тесно связана с киевским правобережьем, образуя вместе с ним мощный оборонительный заслон против вторжений степняков²⁸. Военно-стратегическое значение Переяславского княжества обусловило неравномерное размещение в нем городов и укрепленных поселений, сосредоточенных преимущественно в двух районах: на юго-восточном пограничье, вдоль Сулы (крайняя восточная линия Змиевых валов), и ближе к Киеву, на северо-западе (по Трубежу и Супою), где, собственно, и концентрировались основные военные силы княжества²⁹. Чтобы усилить довольно скудные материальные ресурсы Переяславля, Всеволоду, по сообщению Новгородской Первой летописи, выделили для сбора дани изрядную полосу земель на северо-востоке – Ростов, Суздаль, Белоозеро, Поволжье.

Младшие братья получили земли, в гораздо меньшей степени подвергшиеся государственному освоению. В удел Вячеславу была выделена Смоленская земля (в пределах расселения смоленских кривичей), граничившая на западе с Полоцком, на севере и северо-востоке – с Новгородской землей, на юге и юго-востоке – с Черниговским княжеством³⁰. Севший во Владимире-Волынском Игорь контролировал широкую полосу Восточного Прикарпатья, включая Червенские города, сравнительно недавно возвращенные Руси Польшей³¹.

Печать смоленского князя Вячеслава Ярославича

²⁵ Цветков С.Э. Русская история. Кн. 3. С. 351–352.

²⁶ Там же. С. 81, 347–347.

²⁷ Там же. С. 61, 227–232.

²⁸ Там же. С. 227–234, 236–238.

²⁹ Древнерусские княжества X–XIII вв. С. 143.

³⁰ Там же. С. 258–259.

³¹ Цветков С.Э. Русская история. Кн. 3. С. 355.

Главенствующее положение трех старших братьев в князем роду было закреплено также на церковно-политическом уровне, так как на территории их уделов находились все наличные епископские кафедры Киевской митрополии (Белгородская, Юрьевская³², Черниговская, Переяславская, Новгородская) и Тмутороканская архиепископия³³. Волости Игоря и Вячеслава, не имевшие собственных церковных центров³⁴, числились в составе двух епископий: Смоленская земля входила в Черниговскую епархию, Владимиро-Волынская – вероятно, в Белгородскую³⁵.

Природа, со своей стороны, словно позаботилась о том, чтобы укрепить политическое господство старших Ярославичей, так сказать, естественным путем. Младшие участники семейного раздела скончались один за другим в течение нескольких ближайших лет после распределения столов: Вячеслав – в 1058 г., Игорь – в 1060-м. Их волостями старшие братья распорядились по своему усмотрению. Смоленск Ярославичи «разделиша себе на три части»³⁶ (показание Тверской и Львовской летописей); Владимир-Волынский был передан в держание племяннику-изгою Ростиславу Владимировичу³⁷.

В 1059 г. братья-соправители были уже настолько уверены в незыблемости своей власти, что не побоялись проявить толику великодушия по отношению к опальному дяде Судиславу. «Высадив» несчастного старика из псковского «поруба»³⁸, где он томился почти четверть века, они на всякий случай «заводиша» его «кресту», после чего постригли в монахи. Впоследствии такой способ удаления неугодных людей прочно вошел в политический обиход Древней Руси. Судислав протянул в чернецах четыре года и после смерти был погребен в киевской церкви Святого Георгия.

³² Древнерусский Юрьев – это современная Белая Церковь. Город был основан на р. Рось в 1032 г. Его название – Юрьев (в летописях также Гюрьев, Гургев) – связано с христианским именем князя Ярослава – Георгий.

³³ С конца X в. по вторую половину XII в. подчинявшаяся непосредственно Константинопольскому патриархату (см.: *Мошин В.А.* Николай, епископ Тмутороканский // *Seminarium Kondakovianum*. Т. V. Praha, 1932. С. 54–55).

³⁴ Епископская кафедра во Владимиро-Волынском появилась двумя десятилетиями позже, а в Смоленске – только в XII в.

³⁵ *Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 34–39.

³⁶ По всей видимости, имеется в виду дележ доходов с города, примеры чему встречаются и в более позднее время (завещание Ивана Калиты).

³⁷ Известие Татищева, подтверждаемое летописным указанием на то, что на Аюбецком съезде 1097 г. дети Ростислава получили «в отчину» Перемышль и Теробовль. Труднее решается вопрос о предыдущем местопребывании Ростислава. Распространенное мнение о том, что Ростислав после смерти Ярослава получил во владение Ростов (со ссылкой опять же на свидетельство Татищева), грубо искажает показание историка, которое на самом деле помечено 1052 г. и выглядит так: «Преставися Владимир, сын Ярославль, старейший, в Новгороде... По нем остался сын его Ростислав в Новгороде и Ростове» (*Татищев В.Н.* Собрание сочинений в 8 т.: История Российская. М.; Л., 1962–1964 (репринт: М., 1994–1995). Т. II. С. 81). Таким образом, Татищев говорит не о наделении Ростислава Ростовской областью при разделе Руси между Ярославичами, а о наследовании им всего новгородского удела покойного отца Владимира Ярославина. Кроме того, достоверность татищевского показания в данном случае сомнительна ввиду того, что Новгород по смерти Владимира должен был отойти к следующему по старшинству брату – Изяславу, как о том и свидетельствуют летописи. Так что, возможно, следует согласиться с Карамзиным, что до вокняжения во Владимиро-Волынском Ростислав, «не имея никакого удела, жил праздно в Новгороде» на иждивении Изяслава (*Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 2–3. М., 1991. Т. 2. С. 48).

³⁸ *Поруб* – глубокая яма, заделанная сверху деревом, с небольшим отверстием («оконом») для передачи узнику пищи. В летописи фигурирует еще другой вид подземной темницы – *погреб* (вероятно, подвал в тереме). Судя по летописным известиям, между порубом и погребом существовали различия и по социальному положению заключенных в них людей: в первый обычно сажали князей, во второй – простолюдины.

Глава 3

Торки и половцы

I

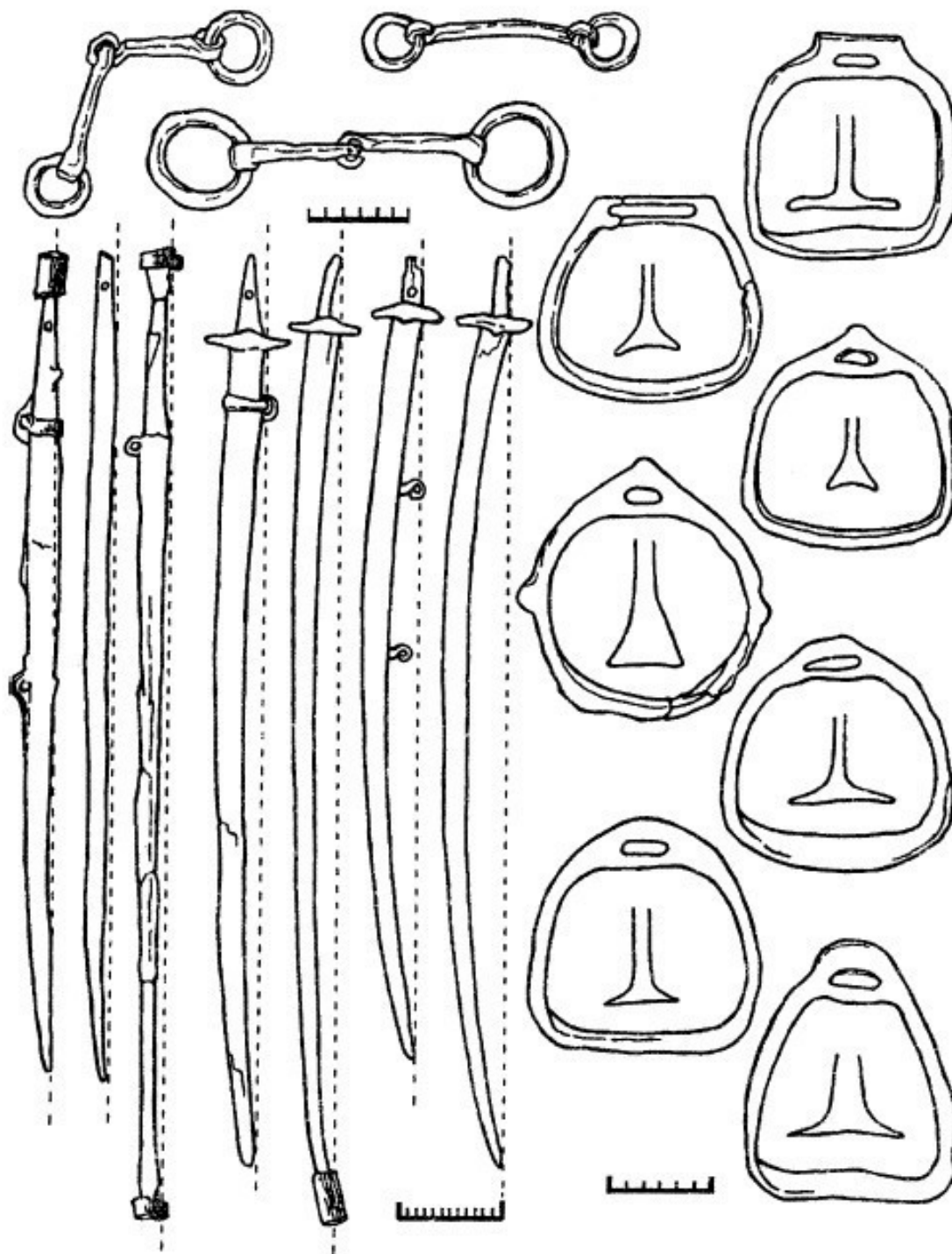
Итак, десятилетие, истекшее после смерти Ярослава, подарило стране ничем не нарушаемый внутренний мир. Но на степных рубежах Русской земли вновь становилось беспокойно.

Печенеги, откочевавшие в 30 – 40-х гг. XI в. в Нижнее Подунавье, освободили степное пространство Северного Приазовья и Причерноморья для своих восточных соседей – огузов. На страницах наших летописей они остались под именем торков. Это была северная ветвь большого союза тюркских племен, сложившегося в IX–X вв. на территории Средней Азии, между северо-восточным побережьем Каспийского моря и Восточным Туркестаном³⁹. Тесня отступавших печенегов и в то же время теснимые сами наседавшими с тыла половцами (кыпчаками/куманами), торки в середине XI в. массами хлынули из-за Дона на днепровское левобережье. Зимой 1034/35 г. они попробовали на прочность границы Переяславского княжества, но получили достойный отпор: «Иде Всеволод на торкы зимой... и победи торкы». Следом явились те, кто толкал торков в спину, – передовая половецкая орда во главе с ханом Блушем⁴⁰. Всеволод (как, впрочем, и его старшие братья) принадлежал к тому поколению русских людей, которое выросло в четвертьвековой период затишья борьбы со степью и потому весьма слабо представляло себе обычаи кочевников и тонкости степной политики. Только этим и можно объяснить совершенный им промах. Из двух дерущихся на пороге своего дома грабителей Всеволод поддержал сильнейшего, положившись на миролюбивые заверения Блуша.

В 1060 г. объединенное войско трех Ярославичей («вой бещислены»), к которому присоединилась дружина полоцкого князя Всеслава Брячиславича, двинулось «на конях и в лодьях» в самую глубь степи. У торков не хватило ни сил, ни духа противостоять русской мощи. Их орда, не приняв сражения, устремилась на юг с намерением осесть на дунайской равнине. В 1064 г. они переправились через Дунай, разбили греков и болгар и ринулись в глубь страны.

³⁹ Южная группировка огузов, ушедшая во второй половине XI в. в Переднюю Азию, получила известность под именем турок-сельджуков. В Северной Монголии существовал обособленный союз девяти огузских племен («токуз-огузы», букв. «девять огузов»), возглавляемый уйгурами.

⁴⁰ В летописях встречаются и другие варианты этого имени: Болуш, Булуш.

Типология черноклобукских удил, сабель и стремян, выявленных в поросских и каменных погребениях. Конец XI–XII в.

Опустошив Македонию и Фракию, торки дошли до стен Константинополя. Византийский император смог избавиться от них только посредством богатых подарков. Обремененные добычей, торки ушли обратно за Дунай, где в тот же год были истреблены суровой зимой, голодом и эпидемией. Оставшиеся в живых большей частью поступили на службу к императору, получив для поселения казенные земли в Македонии⁴¹. Другая часть торков (менее мно-

⁴¹ Васильевский В.Г. Труды. СПб., 1908. Т. I. С. 26–29.

гочисленная) предпочла перейти на русскую службу, составив костяк «черных клобуков»⁴² – разношерстного объединения лояльных к Руси степняков, которых русские князья с конца X в.⁴³ расселяли в бассейнах Роси и Сулы для охраны самых уязвимых участков южнорусского пограничья. Остатки независимых торческих племен вперемежку с осколками печенежских орд еще несколько десятков лет кочевали в районе Дона и Донца, постепенно дробимые между половецким молотом и русской наковальней.

II

Как самостоятельная военно-политическая сила торки лишь мелькнули на русском горизонте, «Божьим гневом гонимы», по выражению летописца. Но радость русских людей оттого, что «Бог избави хрестьяны от поганых», была преждевременной. По стопам торков двигались половцы – новые хозяева западного ареала Великой степи на ближайšie полтора года лет.

Происхождение этой группы кочевых племен изучено слабо, и здесь до сих пор много неясного⁴⁴. Очевидно, впрочем, что к ней неприменимы понятия народа, народности или этноса, ибо самые разнообразные источники свидетельствуют о том, что за этническими терминами «кыпчаки», «куманы», «половцы» скрывается пестрый конгломерат степных племен и родов, в котором изначально присутствовали как тюркские, так и монгольские этнокультурные компоненты⁴⁵. Несмотря на определенную этнографическую и языковую близость, эти племена и кланы вряд ли могли иметь единую родословную, поскольку различия в быту, религиозных обрядах и, судя по всему, в антропологическом облике были все же весьма существенны⁴⁶. Более того, нет ни одного надежного свидетельства, что у них когда-либо существовало общее самоназвание. «Куманы», «кыпчаки», «половцы» – все эти этнонимы (точнее, псевдоэтнонимы, как увидим ниже) сохранились исключительно в письменных памятниках

⁴² Древнерусская калька с тюркского «каракалпак» («черная шапка», характерный головной убор этих кочевников).

⁴³ О переходе печенежских ханов на службу к Ярополку и Владимиру Святославичам (Цветков С.Э. Русская история. Кн. 3. С. 45, 174).

⁴⁴ Многочисленные попытки обобщить имеющийся исторический, археологический и лингвистический материал пока что не привели к формированию единого взгляда на эту проблему. И поныне остается в силе замечание тридцатилетней давности одного из специалистов в этой области, что «создание (фундаментального. – С. Ц.) исследования по этнической и политической истории кипчаков с эпохи древности до позднего Средневековья – одна из нерешенных задач исторической науки» (Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974. С. 168).

⁴⁵ Наиболее крупные племенные разветвления кыпчаков отмечены в сочинениях восточных авторов XIII–XIV вв. Так, энциклопедия Ан-Нувайри выделяет в их составе племена: токсоба, иета, бурджоглы, бурлы, кангуоглы, анджоглы, дурут, карабароглы, джужнан, карабиркли, котян (Ибн-Халдун добавляет, что «все перечисленные племена не от одного рода»). По сообщению Ад-Димашки, кыпчаки, переселившиеся в Хорезм, назывались тау, бузанки, башкырды. Родоплеменные объединения половцев знает и Повесть временных лет: турпеи, елткуковичи и др. Фиксируемая археологией монгольская примесь среди кумано-кыпчакских племен была достаточно заметна и для современников. Относительно племени токсоба («токсоби» русских летописей) имеется показание Ибн-Халдуна о его происхождении «из татар» (в данном контексте – монголов). Показательно также свидетельство Ибн аль-Асира о том, что монголы, желая расколоть кыпчакско-аланский союз, напоминали кыпчакам: «Мы и вы – один народ и из одного племени...»

⁴⁶ Чем и объясняется разноречивость в этнографических описаниях куманов-кыпчаков. Например, Гилюм де Рубрук (XIII в.) подверстал под единый «куманский» похоронный обряд погребальные обычаи разных этнических групп: «Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке перед пупком чашу. Они строят также для богачей пирамиды, то есть остроконечные домики, и кое-где я видел большие башни из кирпичей, кое-где каменные дома... Я видел одного недавно умершего, около которого они повесили на высоких жердях 16 шкур лошадей, по четыре с каждой стороны мира; и они поставили перед ним для питья кумыс, для еды мясо, хотя и говорили про него, что он был окрещен. Я видел другие погребения в направлении к востоку, именно большие площади, вымощенные камнями, одни круглые, другие четырехугольные, и затем четыре длинных камня, воздвигнутые с четырех сторон мира по сторону площади». Он же замечает, что мужчины у «команов» заняты разнообразными хозяйственными работами: «Делают луки и стрелы, готовят стрелы и уздечки, делают седла, строят дома и повозки, караулят лошадей и доят кобылиц, трясут самый кумыс... делают мешки, в которых его сохраняют, охраняют также верблюдов и выючат их». Между тем другой западноевропейский путешественник XIII в. Плано Карпини из наблюдений за «команами» вынес впечатление, что, по сравнению с женщинами, мужчины «ничего вовсе не делают», разве что имеют «отчасти попечение о стадах... охотятся и упражняются в стрельбе» и т. д.

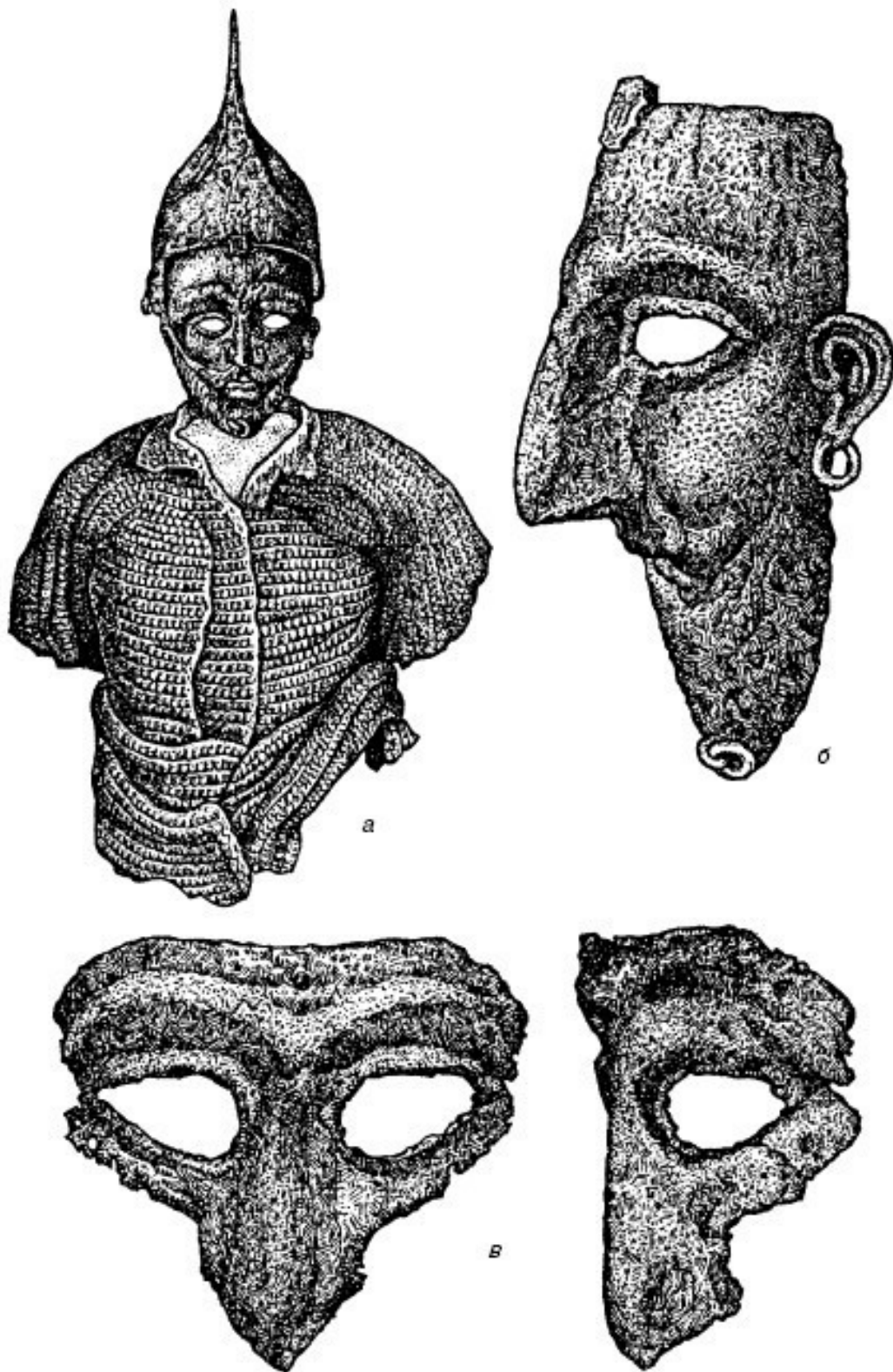
соседних народов, причем без малейшего указания на то, что они взяты из словарного обихода самих степняков. К определению этого степного сообщества не подходит даже термин «племенной союз», так как в нем отсутствовал какой бы то ни было объединяющий центр – господствующее племя, надплеменной орган управления или «царский» род⁴⁷. Поэтому речь должна идти о довольно рыхлом и аморфном родоплеменном образовании, чье оформление в особую этническую группу, наметившееся во второй половине XII – начале XIII в., было прервано монголами, после чего кумано-кыпчакские племена послужили этническим субстратом для формирования ряда народов Восточной Европы, Северного Кавказа, Средней Азии и Западной Сибири – татар, башкир, ногайцев, карачаевцев, казахов, киргизов, туркмен, узбеков, алтайцев и др.

Первые сведения о «кыпчаках» восходят к 40-м гг. VIII в., когда в Среднеазиатском регионе окончательно распался Тюркский каганат⁴⁸, не устоявший перед восстанием подвластных племен. Победители, среди которых первенствующую роль играли уйгуры, дали побежденным тюркам презрительное прозвище «кыпчаки», означавшее по-тюркски что-то вроде «беглецы», «изгои», «неудачники», «злосчастные», «злополучные», «никчемные»⁴⁹. Но политически окрашенный термин, малопригодный для этнического самосознания, едва ли оказался бы столь живучим, если бы не претерпел дальнейших метаморфоз, – и прежде всего в восприятии самих побежденных, утративших вместе с родоплеменной политической структурой (в виде Тюркского каганата) также и возможность надежной этнической самоидентификации в окружении родственных тюркоязычных племен.

⁴⁷ В.В. Бартольд, в частности, отмечает, что «кыпчаки, насколько известно, не находились под властью сильной династии... Были отдельные кыпчакские ханы, но хана всех кыпчаков никогда не было» (*Бартольд В.В. История турецко-монгольских народов // Соч. Т. V. М., 1968. С. 209*).

⁴⁸ Так называемый Второй Тюркский каганат, восстановленный в 687–691 гг. на месте Восточнотюркского каганата, разгромленного китайцами в 630 г.

⁴⁹ Самое раннее упоминание слова «кыпчак» (и притом в связи с тюрками) встречается именно в древнеуйгурской письменности – на «Селенгинском камне», каменной стеле с руническими (орхонскими) письменами, установленной в верховьях р. Селенги правителем Уйгурского каганата Элетмиш Бильгекаганом (747[^]—759). В 1909 г. памятник обнаружил и исследовал финский ученый Г.И. Рамstedт. Выбитый на его северной стороне текст серьезно поврежден, в том числе четвертая строка, которая имеет лакуну в начальной части. Рамstedт предложил для нее конъектуру: «когда тюрки-кыпчаки властвовали над нами пятьдесят лет...» В настоящее время эта реконструкция общепризнана, причем слову «кыпчак» обыкновенно придается этнический смысл («народ тюрков-кыпчаков»), какового на самом деле предполагать не приходится, поскольку древнетюркские надписи не знают случаев слияния или отождествления парных этнонимов. С учетом вышеупомянутого нарицательного значения слова «кыпчак» начало строки следует читать: «когда презренные тюрки...»

Железные маски XI–XIII вв.:

a – железный шлем с маской и кольчугой из погребения у села Ковали Черкасской области; *б* – профиль маски у села Ковали; *в* – железная полумаска из села Вщиж Брянской области

Весьма вероятно, что, по крайней мере, в некоторых племенных группах разбитых тюрков (оттесненных к предгорьям Алтая) под влиянием катастрофического поражения, круто изменившего их социально-политический статус, произошла коренная ломка племенного и

политического самосознания, результатом чего стало принятие ими названия «кыпчак» в качестве нового автоэтнонима. Такому замещению могло способствовать характерное для религиозно-магического мышления представление о неразрывной связи между предметом (существом) и его названием (именем). Исследователи отмечают, что «у тюркских и монгольских народов и поныне существует некогда очень обширный класс имен-оберегов. Так, детям или взрослым обычно после смерти предыдущего ребенка или члена семьи (рода), а также после тяжелой болезни или пережитой смертельной опасности дают имя-оберег с уничижительным значением или новое охранительное имя, долженствующее ввести в заблуждение преследующие человека (семью, род) сверхъестественные силы, вызвавшие несчастье». В силу подобных представлений и для тюрков, испытавших на себе злобу враждебных духов⁵⁰, средством спасения точно так же могло стать «принятие прозвища-оберега с уничижительным значением («злосчастные», «никчемные»), возникшего, скорее всего, как подмена этнонима в ритуальной практике»⁵¹.

Впоследствии слово «кыпчак» подверглось дальнейшему переосмыслению. Этот процесс был связан с новым ростом политического значения тюрков-«кыпчаков». Отступив на юг Западной Сибири, они оказались в соседстве с кимаками⁵², вместе с которыми, после гибели Уйгурского каганата (павшего около 840 г. под ударами енисейских киргизов), создали Кимакский каганат – государственное образование, основанное на господстве кочевников над местным оседлым населением⁵³. Приблизительно в то же время, когда «кыпчаки» снова входят в состав господствующей верхушки, меняется и семантика их племенного прозвища. Теперь его стали сблизать с тюркским словом «кабук»/«кавук» («пустое, дуплистое дерево»)⁵⁴. Для объяснения новой этимологии псевдоэтнонима (совершенно безосновательной с научной точки зрения) была придумана соответствующая генеалогическая легенда. Любопытно, что позднее она проникла даже в эпос уйгуров, забывших первоначальное значение прозвища «кыпчак». Согласно огузскому преданию, в подробностях переданному Рашид ад-Дином (1247–1318) и Абу-ль-Гази (1603–1663), Огуз-хан (легендарный прародитель огузов, в том числе и уйгуров) «потерпел поражение от племени итбарак, с которым он воевал... В это время некая беременная женщина, муж которой был убит на войне, вошла в дупло большого дерева и родила ребенка... Он стал на положении ребенка Огуза; последний назвал его Кыпчак. Это слово производное от слова Кобук, что по-тюркски означает «дерево со сгнившей сердцевиной». Абу-ль-Гази также замечает: «На древнем тюркском языке дуплистое дерево называют «кыпчак». Все кыпчаки происходят от этого мальчика»⁵⁵. Не позднее второй половины IX в. этот псевдоэтноним заимствовали арабские писатели⁵⁶, прочно укоренив его в своей литературной традиции.

⁵⁰ В преданиях племени сеяньто, в свое время также потерпевшего тяжелое поражение от уйгуров, победа последних прямо объясняется вмешательством сверхъестественных сил: «Прежде, перед тем как сеяньто были уничтожены, некто просил еды в их племени. Отвели гостя в юрту. Жена посмотрела на гостя – оказывается, у него волчья голова (волк – мифический предок уйгуров. – С. Ц.). Хозяин не заметил. После того как гость поел, жена сказала людям племени. Вместе погнались за ним, дошли до горы Юйдугюнь. Увидели там двух людей. Они сказали: «Мы – духи. Сеяньто будут уничтожены»... И вот теперь сеяньто действительно разбиты под этой горой».

⁵¹ *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992. С. 120–126.

⁵² По всей видимости, «книжный» этноним, который арабские авторы прилагали к группе племен монгольского происхождения, в конце VIII – начале IX в. обосновавшихся в границах среднего течения Иртыша и смежных с юга областей. Отдельные орды кимаков зимовали на берегах Каспийского моря, и в «Шах-намэ» оно даже называется Кимакским морем.

⁵³ *Горбунов В.В.* Процессы тюркизации на юге Западной Сибири в раннее Средневековье // <http://new.hist.asu.ru/biblio/borod4/part1> – p37-42.pdf. С. 40–41.

⁵⁴ Образ дерева играет значительную роль в мифологии кочевников. Иногда даже говорят об «одержимости» тюрков идеей дерева (*Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал.* Новосибирск, 1990. С. 43.). Некоторые тюркские народности Южной Сибири носят имя какого-либо дерева, с которым себя ассоциируют. Дерево как родовое святилище почиталось и в Средней Азии у узбеков племени канглы.

⁵⁵ Другой вариант легенды приводит Мухаммад Хайдар (ок. 1499–1551) в своем «Огуз-намэ»: «И вот пришел Огуз-каган с войском к реке, называемой Итилем (Волга. – С. Ц.). Итиль – большая река. Огуз-каган увидел ее и говорил: «Как переправимся через поток Итиля?» В войске был один дородный бек. Имя его было Улуг Орду бек... Этот бек срубил деревья...

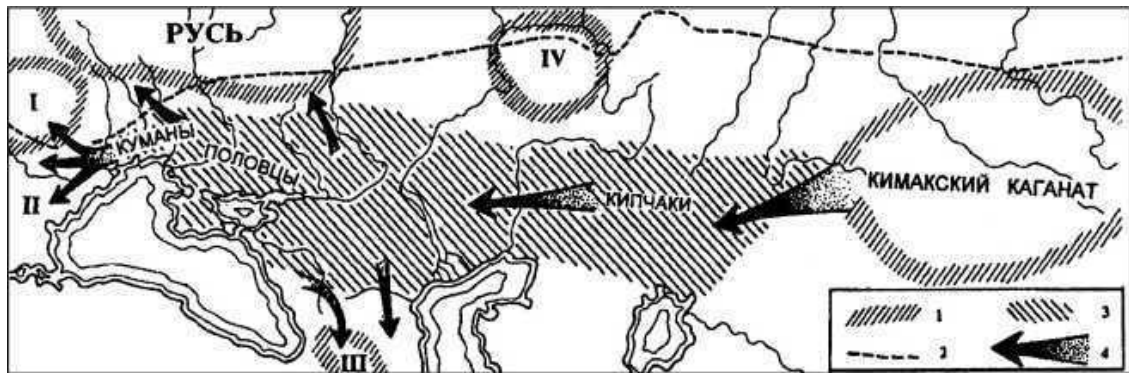

Схема расположения в степях кимаков, кыпчаков, половцев, куманов:

I – Венгрия; II – Болгария; III – Грузия; IV – Волжская Болгария. 1, 2 – северная граница степей; 3 – кочевнические общности; 4 – основные направления кочевнической экспансии в конце X–XIII вв. (По С.А. Плетневой)

В начале XI в. нашествие киданей (или каракытаев, выходцев из Монголии) вынудило кимако-«кыпчакские» племена покинуть насиженные места. Их переселение шло по двум направлениям: южному – на Сырдарью, к северным границам Хорезма, и западному – в Поволжье. В первом миграционном потоке преобладал «кыпчакский» элемент, во втором – кимакский. Вследствие этого термин «кыпчак», общеупотребительный в арабском мире, не получил распространения в Византии, Западной Европе и на Руси, где пришельцев преимущественно стали называть «куманы» и «половцы».

Происхождение названия «куман» достаточно убедительно раскрывается через его фонетическую параллель в виде слова «кубан» (для тюркских языков характерно чередование «м» и «б»), которое, в свою очередь, восходит к прилагательному «куба», обозначающему бледно-желтый цвет. У древних тюрков цветовая семантика названия племени часто соотносилась с его географическим положением. Желтый цвет в этой традиции мог символизировать западное направление. Таким образом, усвоенный византийцами и западноевропейцами псевдоэтноним «куманы»/«кубаны», видимо, имел хождение среди кимако-«кыпчакских» племен для обозначения их западной группировки, которая во второй половине XI – начале XII в. заняла степи между Днепром и Волгой⁵⁷.

Несмотря на то что название «куманы» было хорошо известно в Древней Руси, здесь за ними закрепилось другое наименование – «половцы»⁵⁸. С этим словом связана любопыт-

На деревьях тех расположился и переправился. Обрадовался Огуз-каган и сказал: «О, будь ты здесь беком, Кыпчак-беком ты будь!»

⁵⁶ «Кыпчаки», как одно из подразделений тюркских племен, упоминаются уже в «Книге путей и стран» Ибн Хордадбега (ок. 820 – ок. 912).

⁵⁷ Это не исключает вероятности существования особого племени, называвшегося «кубан»/«куман», – предков кумандинцев Северного Алтая (см.: *Потанов Л.П.* Из этнической истории кумандинцев // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968; см. также: www.kunstkamera.ru/siberia – официальный сайт Отдела этнографии Сибири МАЭ РАН. С. 316–323). Для характеристики соотношения этнических терминов «куман» и «кыпчак» стоит отметить также, что в самой «кумано-кыпчакской» среде они отнюдь не являлись синонимами. Не смешивает их и эпос тюркоязычных народов. Только в поздней ногайской эпической поэме «Сорок ногайских богатырей» встречаются такие строки: «Страна куманов, мои кыпчаки, / Пусть садятся на коней добры молодцы!» (*Айт десеньиз, айтайым* («Если просите, спою...»). Черкесск, 1971. С. 6). Однако здесь, скорее всего, воспроизводятся достаточно отдаленные и уже не вполне адекватные представления об исторических реалиях XIII в.

⁵⁸ На идентичность половцев и куманов указывает летописное выражение: «кумане рекше половци», то есть «куманы, называемые половцами» (см. статью Повести временных лет под 1096 г., Лаврентьевскую летопись под 1185 г., Ипатьевскую под 1292 г.). В.В. Бартольд считал, что «куманская» этнонимика проникла в древнерусское летописание из Византии. Однако этому противоречит, например, наличие «князя Кумана» в летописном списке половецких ханов, убитых во время похода 1103 г. русского войска в степь.

ная этимологическая путаница, сыгравшая в историографии такую важную роль, что даже исказила представления ученых об этногенезе «куманов»/«кыпчаков». Истинное его значение оказалось непонятно уже славянским соседям Руси – полякам и чехам, которые, усмотрев в нем производное от старославянского «плава» – «солома», перевели его термином «плавцы» (Plawci/Plauci), образованным от прилагательного «плавый» (plavi, plowy) – западнославянского аналога древнерусскому «половый», то есть изжелта-белый, белесовато-соломенный. В исторической литературе объяснение слова «половец» от «половый» первым предложил в 1875 г. А. Куник⁵⁹. С тех пор в науке прочно укоренилось мнение, что «такие названия, как половцы-плавцы... не являются этническими, а служат лишь для объяснения внешнего вида народа. Этнонимы «половцы», «плавцы» и др. обозначают бледновато-желтый, соломенно-желтый, – названия, служившие для обозначения цвета волос этого народа»⁶⁰. Хорошо известно, что среди тюрков действительно встречаются светловолосые люди. В результате на страницах многих исторических трудов XX в. половцы предстали в образе «голубоглазых блондинов» – потомков европеоидов Центральной Азии и Западной Сибири, подвергшихся в VIII–IX вв. тюркизации⁶¹.

Многолетняя приверженность исследователей этому взгляду на происхождение половцев вызывает только недоумение. Не знаешь, чему удивляться больше – разыгравшейся фантазии историков, путившихся во все тяжкие, не только не имея на руках даже косвенного свидетельства о европеоидной внешности половцев – соседей Руси⁶², но и вопреки всем антропологическим данным, недвусмысленно подтверждающим их принадлежность к монголоидной расе, или неразборчивости языковедов, которые, казалось бы, могли знать, что в случае происхождения слов «половец», «половцы» от «половый» ударение в них непременно приходилось бы на последний слог (как в словах «соловец», «соловцы» – производных от «соловый»)⁶³.

Между тем после обстоятельных исследований Е. Ч. Скржинской⁶⁴ вопрос о возникновении и первоначальном значении древнерусского названия «половцы» может считаться окончательно решенным. Исследовательница обратила внимание на характерную особенность географических представлений киевских летописцев XI–XII вв., а именно устойчивое деление ими территории Среднего Поднепровья на две стороны: «сю», «сию» (то есть «эту», или «Русскую», лежавшую, как и Киев, на западном берегу Днепра) и «ону» («ту», или «Половецкую», прости-

⁵⁹ См. его примеч. на с. 387 в кн.: *Дори Б.* Каспий. О походах древних русских в Табаристан // Записки Императорской Академии Наук. Т. 26. Кн. 1. СПб., 1875.

⁶⁰ *Расовский Д.А.* Половцы // *Seminarium Kondakovianum*. Т. VII. Praha, 1935. С. 253; из новейших исследователей см., напр.: *Плетнева С.А.* Половцы. М.: Наука, 1990. С. 35–36.

⁶¹ Вот лишь одно характерное высказывание: «Как известно, пигментация волос неразрывно связана с определенным цветом глаз. В отличие от остальных тюрков, черноволосых и кареглазых, белокожие половцы представляли в золотистом нимбе волос над яркими голубыми глазами... Столь характерная цветовая гамма половцев, вызывавшая восхищение современников, для историка оказывается своего рода «генеалогическим свидетельством», помогающая связать их происхождение с загадочными динлинами китайских хроник («белокурым народом», обитавшим в I–II вв. у северных границ Китая. – С. Ц.), а через них – с людьми так называемой «афанасьевской культуры», чьи погребения III тысячелетия до н. э. были открыты археологами в Прибайкалье. Таким образом, в океане времен половцы предстают перед нами в качестве потомков древнейших европейцев, вытесненных из Восточной и Центральной Азии начавшейся когда-то широкой экспансией монголоидных народов. «Отуреченные» некогда «динлины», они потеряли свою древнюю родину, сменили язык, и общетюркский поток вынес на простор причерноморских степей... уже последние остатки некогда сильного и многочисленного, а теперь вымирающего и теряющего среди других свой облик золотоволосого народа, отмеченного уже признаками своего азиатского прошлого» (*Никитин А.Л.* Основания русской истории. М., 2001. С. 430–431).

⁶² Здесь уместно вспомнить ярко выраженные «монгольские» скулы на знаменитом «портрете-реконструкции» М. Герасимова облика князя Андрея Боголюбского, чья мать, как известно, была половчанка.

⁶³ Сознывая очевидную нелепость рассуждений о европеоидах-блондинах применительно к половцам, но не решаясь расстаться с «соломенной» этимологией термина, Н.Н. Коринный полагает, что «половым» русским людям мог казаться цвет кожи этих кочевников («половцы», то есть «желтолицы») (см.: *Коринный Н.Н.* Указ. соч. С. 107). Тут одно из двух: либо исследователь никогда не видел солому, либо в жизни не встречал тюрков.

⁶⁴ См.: *Скржинская Е.Ч.* Половцы. Опыт исторического исследования этникона // *Византийский временник*. 1986. Т. 46. С. 255–276; *Скржинская Е.Ч.* Русь, Италия и Византия в Средневековье. СПб., 2000. с. 38–87.

равшуюся к востоку от днепровского правобережья до самой Волги)⁶⁵. Последняя обозначалась также как «он пол», «оний пол» («оная сторона», «та сторона»)⁶⁶. Отсюда стало понятно, что «слово «половец» образовано по месту обитания кочевников – подобно другому слову – «тоземец» (житель «той земли»)), ибо для русских людей половцы были обитателями той («оной»), чужой стороны Днепра (об он пол = половцы) и в этом качестве отличались от «своих поганых», черных клобуков, обитавших на этой («сей»), своей стороне реки. В этом противопоставлении и родился специфический русский этникон «они половици»⁶⁷, или просто «половици», трансформировавшийся в процессе развития древнерусского языка в «половцы»⁶⁸. Вполне естественно, что за рамками данной географической традиции своеобразный южнорусский термин оказался недоступен для понимания, вследствие чего был неверно истолкован не только западными славянами, но даже образованными людьми Московской Руси⁶⁹.

⁶⁵ Ср. с летописным: «вся Половецкая земля, что же (есть. – С. Ц.) их межю Волгою и Днепром».

⁶⁶ «Слышав же Святополк идуща Ярослава, пристройи бещисла вой, руси и печенег, и изыде противу ему к Любичю об он пол Днепра, а Ярослав [встал] об сю [сторону]» (статья под 1015 г.).

⁶⁷ В Киевской летописи под 1172 г. говорится, что князь Глеб Юрьевич «ехал на ону сторону [Днепра] к онем половцем». Словарь М. Фасмера также фиксирует понятие «онополоец, онополовец» – живущий по ту сторону реки, производное от церковнославянского «об он пол» (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. 3. С. 142).

⁶⁸ Скржинская Е. Ч. Русь, Италия и Византия в Средневековье. С. 81, 87.

⁶⁹ О позднейших этимологиях слова «половцы», распространенных среди московских книжников конца XV – начала XVI в., можно судить по сохранившимся известиям иностранных писателей. Так, польский ученый и историк Матвей Меховский слышал, что «половцы в переводе на русский язык значит «охотники» или «грабители», так как они часто, делая набеги, грабили русских, расхищали их имущество, как в наше время делают татары» («Tractatus diabus Sarmatiis, Asiana et Europiana», 1517 г.; цит. по: Скржинская Е. Ч. Русь, Италия и Византия в Средневековье. С. 41). Следовательно, его информатор отталкивался от древнерусского «ловы» – «охота». А по свидетельству Сигизмунда Герберштейна, посла австрийского императора при дворе великого князя Василия III, москвичи того времени производили слово «половцы» от «поле». Следует добавить, что ни тогда, ни раньше, в домонгольскую эпоху, русские люди не примешивали сюда прилагательное «половый».

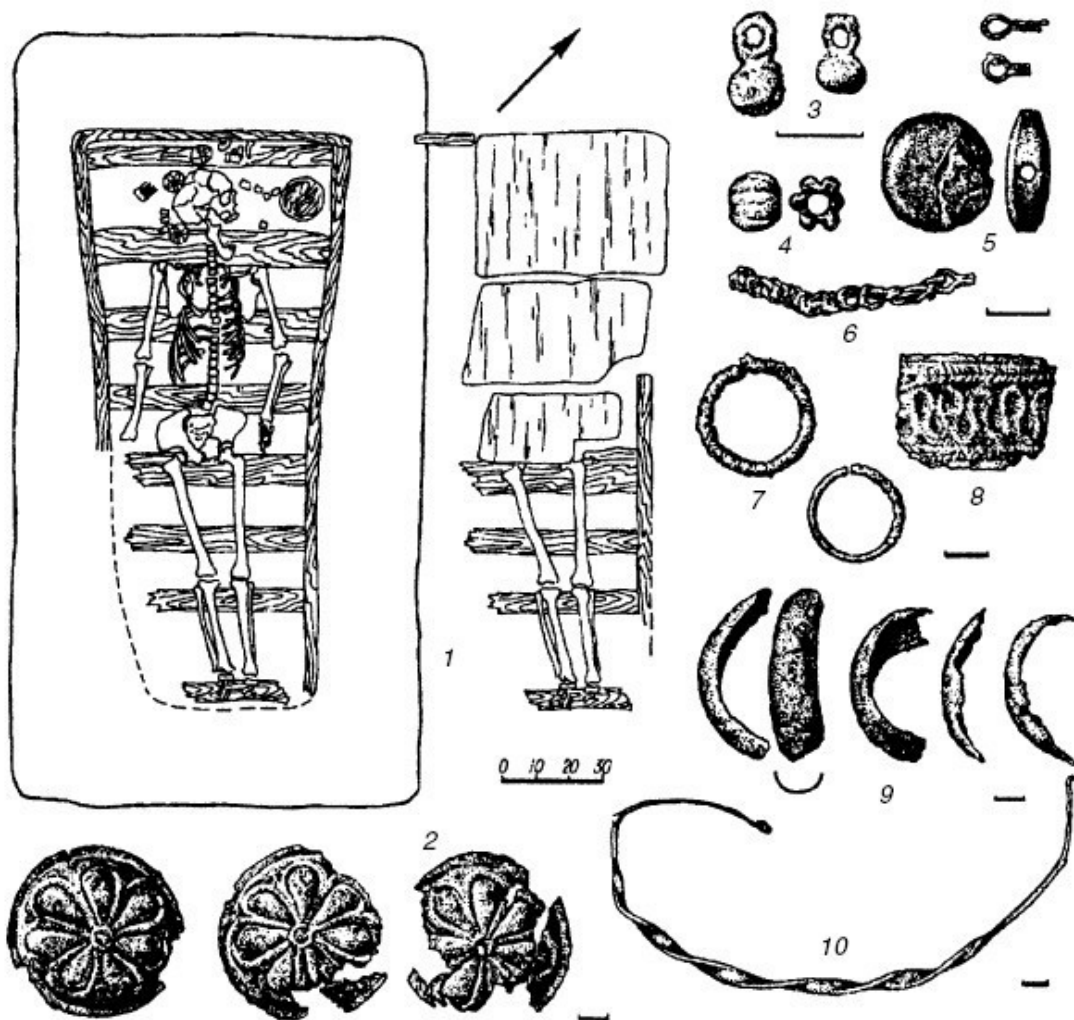

Кафтан половецкого хана из Чингульского кургана.
Реконструкция

Полное незнание древнерусской литературой «кыпчаков» свидетельствует о том, что на Руси изначально и в течение всего «половецкого» периода сношений со степью имели дело исключительно с кимакской (куманской) группировкой половцев⁷⁰. Согласно библейской классификации народов, русские летописцы причисляли их к потомкам Измаила, «пущенным на казнь христианом»: «Измаил роди сынов 12, от нихже суть 4 колена: Торкмене, Печенези, Торци, Кумани, рекше Половци, иже исходить из пустыни» (статья под 1096 г.). В остальном половцы так мало интересовали наших древних писателей или, вернее будет сказать, были ими так люто ненавидимы, что во всей древнерусской литературе не осталось никаких этнографических описаний половцев, кроме краткой, но до крайности неприязненной заметки в составе сравнительного обзора о «законах» (обычаях и нравах) народов, помещенной во вступительной части Повести временных лет («...половци закон держать отец своих: кровь проливати, а хвалящеса о сем, и ядуше мерьтвечину и всю нечистоту, хомяки и сусолы [суслики], и поймають мачехи своя и ятрови [свояченицы]...»), да беглого наблюдения в статье под 1097 г. о

⁷⁰ В этой связи показательны упоминаемые в летописи «половцы Емякове». Иемеки были одним из главенствующих племен в кимакском племенном союзе.

«волчьем» культе, характерном для многих тюркских народов: накануне сражения с венграми половецкий хан Боняк в полночь «отъехал» в поле «и почва выти волчьски, и волк отвыся ему, и начата мнози волци выти»⁷¹. Вследствие этого основные сведения о половцах приходится черпать из других источников.

Половецкое погребение XII–XIII вв.:

1 – погребение с остатками гробовища; 2 – полусферические бляхи, плакированные золотом в виде семилепестковых розеток; 3 – бронзовые пуговицы; 4 – пастовая бусина; 5 – янтарная бусина; 6 – серебряная цепочка; 7 – серебряные колечки; 8 – бронзовая, плакированная золотом пластина; 9 – бронзовые, плакированные золотом дуговидные пластины; 10 – серебряная шейная гривна. Город Орджоникидзе Днепропетровской области

По некоторым подсчетам, во второй половине XI в. южно-русские степи заселило около дюжины больших половецких орд, насчитывавших от 30 000 до 30 000 человек каждая⁷². По мере укрепления своего могущества и влияния половцы поглощали и ассимилировали других обитателей степи – торков и печенегов. В области социально-экономических отношений половцы находились тогда на начальной, так называемой таборной стадии кочевания, для кото-

⁷¹ Ср. с тем, что в былинне об Алеше Поповиче и Тугарине последний персонаж приезжает в Киев в сопровождении двух серых волков. Историческим прототипом былинного Тугарина, возможно, является летописный Тугоркан – половецкий хан, ставший в 1094 г. тестем Святополка Изяславича и убитый в сражении на р. Трубеж (1096).

⁷² См.: Плетнева С.А. Указ. соч. С. 115.

рой характерна чрезвычайная подвижность степняков в связи с отсутствием у них постоянных мест кочевий. «Это племя, – замечает византийский церковный писатель XII в. Евстафий Солунский, – не способно пребывать устойчиво на одном месте, ни оставаться [вообще] без передвижений; у него нет понятия об оседлости, и потому оно не имеет государственного устройства».

Действительно, каждая половецкая орда представляла собой обособленный родоплеменной коллектив, возглавляемый старейшинами – беками и ханами. По словам рабби Петахьи Регенбургского (XII в.), «куманы не имеют общих владетелей, а только князей и благородные фамилии». В случае нужды они могли создавать временные военные союзы, но без единого руководства.

Быт половцев был скуден и неприхотлив. Жилищем им служили войлочные юрты и крытые повозки; обыкновенный их рацион состоял из сыра, молока и сырого мяса, размягченного и согретоного под седлом лошади. Хлеба они не знали вовсе, а из зерновых культур употребляли в пищу только рис и просо, добываемые посредством торговли.

Недостаток съестных припасов, изделий ремесленного производства и предметов роскоши половцы восполняли путем набегов на окрестные земли. Одной из важнейших статей добычи были рабы, которых сбывали на невольничьих рынках Крыма и Средней Азии.

Половецкие статуи:

1 – Краснодарский край, станица Старая Леушковская. Краснодар. Краеведческий музей; 2 – Донецкая область, Артемовский район, село Ступки. Москва. Государственный исторический музей; 3 – Донецкая область, Артемовский район, село Скотоватое. Москва. Государственный исторический музей; 4 – Донецкая область, Артемовский район, село Ступки. Москва.

Государственный исторический музей.

Материал всех статуй – песчаник

Тактика грабительских налетов («облав») была доведена половцами до совершенства. Основной упор делался на стремительность и внезапность нападения. Участник Четвертого крестового похода, французский хронист Робер де Клари, поражался тому, что половцы «пере-

двигаются столь быстро, что за одну ночь и за один день покрывают путь в шесть, или семь, или восемь дней [обычного] перехода... Когда они поворачивают обратно, вот тогда и захватывают добычу, угоняют людей в плен и вообще берут все, что могут добыть». Евстафий Солунский дает половцам сходную характеристику: «Это летучие люди, и поэтому их нельзя поймать»; народ этот «в одно и то же время... близок и уже далеко отступил. Его еще не успели увидеть, а он уже скрылся из глаз». Даже такие полноводные реки, как Днепр, Днестр и Дунай, не являлись для половцев непреодолимой преградой. Для переправы кибиток они использовали своеобразные плоты, изготовленные из десятка растянутых лошадиных шкур, крепко связанных одна с другой и обшитых по краям одним ремнем. Воины переправлялись сидя верхом на кожаных мешках, набитых соломой и так плотно зашитых, что ни капли воды не могло просочиться внутрь. Те и другие «плавсредства» привязывали к хвостам лошадей, которые доставляли их на тот берег.

Основной тактической единицей половецкого войска было родовое ополчение численностью от нескольких десятков до 300–400 всадников, со своим предводителем – беком и знаменем (бунчуком). В целом каждая половецкая орда могла выставить примерно от четырех до семи тысяч взрослых мужчин-воинов. Из-за слабости своего вооружения (главными видами их оружия были луки⁷³ и копья, доспехами – плотные кожаные и войлочные куртки) половцы старались не вступать в лобовое столкновение с противником, предпочитая засады, притворные отступления и обходные маневры. Города и крепости, даже плохо укрепленные, почти всегда оставались для них неприступными. Не имея никаких осадных устройств, половцы крайне редко решались брать город «на копье», если только не рассчитывали застать его защитников врасплох. Обычно они стремились измором вынудить осажденных к сдаче, однако не были способны на ведение длительных осад, поскольку необходимость строго соблюдать режим сезонных перекочевков не позволяла им слишком долго задерживаться под городскими стенами.

На войне половцы придерживались степного кодекса чести: свято соблюдали законы гостеприимства по отношению к вражеским послам, в бою стремились не убивать знатных противников, а захватывать их в плен с тем, чтобы затем получить за них выкуп. В качестве союзников или наемников они, как правило, проявляли исключительную верность. Но соседи из них были плохие. Договоры, ручательства, клятвы не значили в их глазах ничего, а вероломство рассматривалось как похвальная хитрость. Византийская писательница Анна Комнина (ум. ок. 1153), дочь императора Алексея I Комнина, жаловалась на «податливость», «изменчивость» образа мыслей и «непостоянство» половцев. Такими же ненадежными и беспокойными соседями они стали и для Русской земли.

Пока торки были главными противниками половцев, последние придерживались заключенного со Всеволодом Ярославичем мирного договора. Но после ухода в 1060 г. основной части торческой орды в Подунавье половцы сразу забыли о дружеских обещаниях, данных ханом Блушем Всеволоду пять лет назад. Уже зимой 1061 г. орда хана Искала вторглась во владения переяславского князя. Всеволод, только что разгромивший торков, вероятно, недооценил грозившую ему новую опасность или просто не успел как следует «исполниться». Во всяком случае, он выступил против половцев с небольшой дружиной без привлечения «воев», то есть городского ополчения. В сражении, состоявшемся 2 февраля, русское войско было разбито. Повоевав Переяславскую землю, половцы ушли назад в степь. «Се бысть первое зло от поганых и безбожных враг», – отметил летописец.

Как известно, беда не приходит одна.

⁷³ Которыми, впрочем, половцы владели в совершенстве. По свидетельству рабби Петахьи, они «отлично стреляют из лука и убивают любую птицу на лету».

Глава 4

Мятежные изгои

I

Поражение Всеволода от половцев стало предвестием череды внутренних смут и раздоров, которые привели в конце концов к полному крушению политического режима соправления трех братьев.

Мир в княжеском семействе нарушил владими́ро-во́лынский князь Ростислав Владимирович. Причины его возмущения против дядей неизвестны. Летопись сообщает только, что в 1064 г. «бежа Ростислав Тмутороканю»⁷⁴. Поступок этот во всяком случае показывает, что Ростислав был недоволен посадением его на владими́ро-во́лынское княжение и, видимо, рассчитывал на что-то другое⁷⁵. Вместе с Ростиславом бежали двое родовитых людей, должно быть его сверстники и хорошие знакомцы, – некто Порей и сын новгородского посадника Остромира Вышата. Кроме того, владими́ро-во́лынского князя сопровождала дружина удалцов, причем достаточно многочисленная⁷⁶, ибо летописец говорит, что Ростислав силой «выгна» из Тмуторокани сидевшего там Глеба, сына Святослава Ярославича, «а сам седе в него место».

Святослав тотчас вступился за сына. В 1065 г. он привел под Тмуторокань черниговскую рать. Ростислав оставил город без боя не потому, что «убоявся» Святослава, замечает летописец, «но не хотя противу стрывеви [дяди (по отцу)] своему оружию взяти»⁷⁷. Посадив Глеба в Тмуторокани, Святослав возвратился в Чернигов, где спустя недолгое время опять увидел сына, вторично изгнанного Ростиславом с тмутороканского стола.

На этот раз немедленного ответа со стороны Святослава не последовало, так как Ярославичи были встревожены нападением на Псков полоцкого князя Всеслава (см. с. 35 данного издания). Ростислав утвердился в Тмуторокани в качестве законного правителя, который «емлюще дань у касог и у инех стран». По-видимому, он захватил также часть побережья Восточного Крыма вместе с Керчью⁷⁸. Это вызвало немедленную реакцию со стороны визан-

⁷⁴ Согласно археологическим данным, Тмуторокань была тогда процветающим военным, торгово-ремесленным и церковным центром Северного Причерноморья. Город окружали мощные стены из сырцовых кирпичей, облицованных камнем. Раскопки в жилых кварталах обнаружили следы развитого керамического производства и остатки фундамента большой церкви Святой Богородицы.

⁷⁵ По С.М. Соловьеву, Ростислава «манила Тмутаракань, то застепное приволье, где толпились остатки разноплеменных народов, из которых храброму вождю можно было набрать себе всегда храбрую дружину, где княжил знаменитый Мстислав, откуда с воинственными толпами прикавказских народов приходил он на Русь и заставил старшего брата (Ярослава. – С. Ц.) поделить себя половиною отцовского наследства. Заманчива была такая судьба для храброго Ростислава, изгоя, который только оружием мог достать себе хорошую волость, и нигде, кроме Тмутаракани, не мог он добыть нужных для этого средств» (*Соловьев С.М. Сочинения*. Кн. I. Т. 1–2. С. 341–342). Дальнейшие действия Ростислава, однако, показывают, что Тмуторокань была для него не средством, а целью, что никакая другая волость Русской земли его не прельщала, и меньше всего вдохновлял его пример Мстислава.

⁷⁶ Набрать дружину Ростислав мог на нижнем Дунае, где образовалась странная смесь бродячего населения, среди которого, по словам византийского историка Михаила Аггалиата, встречались люди всякого языка. Источники свидетельствуют о существовании здесь с X в. вольных русских поселений (см.: *Цветков С.Э. Русская история*. Кн. 2. М., 2004. С. 89–90; *Готье Ю.В. Русские на Балканском полуострове в XI–XIV веках // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. К. Либкнехта*. Серия историческая. Вып. II. М., 1939. С. 7).

⁷⁷ Неожиданное превращение нарушителя спокойствия в почтительного родственника говорит о том, что начиная с этого момента мы имеем дело с летописным пересказом существовавших некогда «тмутороканских хроник», где портрет Ростислава был выдержан в идиллических тонах: «Бе же Ростислав мужь добр на рать, возрастом же леи и красен лицом, милостив убогим».

⁷⁸ См.: *Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды*. Киев, 1906. С. 85–86; *Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.)*. СПб., 2000. С. 82.

тийских властей Крыма. В 1066 г. херсонский катепан⁷⁹ под предлогом переговоров явился к Ростиславу и на пиру поднес ему заздравную чашу с медленно действующим ядом. Ростислав умер на седьмой день, когда его отравитель уже благополучно вернулся в Херсон, поведав горожанам о результатах своего посольства. Коварный поступок катепана возмутил жителей Херсона, которые побили его камнями, желая, по всей видимости, предотвратить карательную акцию против своего города со стороны тмутороканской Руси. Однако мстить за князя-изгоя никто не собирался⁸⁰. Вернувшийся в Тмуторокань Глеб занялся совершенно другими делами, в частности измерением ширины Керченского пролива – от Тмуторокани до новых русских владений в Керчи⁸¹.

II

Почти одновременно с Ростиславом на другом краю Руси меч против Ярославичей обнажил полоцкий изгой, князь Всеслав Брючиславич. Сущность острейшего конфликта, возникшего в середине 60-х гг. XI в. между ним и тремя братьями-соправителями, осталась нераскрытой в древнерусском летописании, в связи с чем опираться здесь приходится на косвенные данные.

Полоцкая земля – племенная территория западной группировки кривичей, осевших в верховьях Западной Двины и Березины, – позже других восточнославянских земель признала власть киевской династии⁸² и первой вышла из-под ее контроля. Не позднее конца 80-х гг. X в. здесь образовался особый удел Изяслава, сына князя Владимира Святославича и полоцкой княжны Рогнеды⁸³. Во время усобицы 1015–1019 гг. между сыновьями Владимира Полоцкая земля окончательно обособилась от Киева, превратившись в наследственное владение отдельной ветви княжеского рода – Рогволожичей⁸⁴. Это не означало, что полоцкие князья исключили себя из сферы общерусских интересов. Полоцк по-прежнему оставался причастен ко всем политическим, экономическим и культурным процессам, происходившим в Русской земле.

Борясь за свое особое место в восточнославянском мире, Полоцк традиционно соперничал с Новгородом⁸⁵ и претендовал на обладание всем верхним течением Западной Двины, а также на земли в верхнем Понеманье и Поднепровье. В 1021 г. Ярослав заключил с Брючиславом Изяславичем союзный договор, который вроде бы урегулировал спорные территориальные вопросы путем уступки полоцкому князю ключевых пунктов на волоках возле Усвята и в устье Витьбы⁸⁶. Наследник Брючислава, Всеслав, долгое время строго придерживался буквы и духа

⁷⁹ В летописи «котопан». *Катепан* – первоначально (с IX в.) предводитель воинского подразделения византийской армии, сформированного из иноземцев. С X в. – начальник крупных пограничных округов (катепанатов), обладавший всей полнотой военной и гражданской власти (см.: *Константин Багрянородный. Об управлении империей* (текст, перевод, комментарий) / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1989. с. 358–359, примеч. 37).

⁸⁰ Население Тмуторокани вообще представлено летописцем безучастным свидетелем княжеских междоусобиц, что вряд ли соответствует действительности. Но краткость летописного изложения «тмутороканского эпизода» 1064–1065 гг. не позволяет высказать на этот счет даже предположений.

⁸¹ В 1792 г. на берегу Керченского пролива был найден знаменитый «Тмутороканский камень» – мраморная плита с выбитой на ней древнерусской надписью, гласящей: «В лето 6576 (1068) индикта 6 Глеб князь мерил море по леду от Тмутороканя до Корчева [Керчи] 14 000 сажень». Указанное расстояние (21,386 км, если имеется в виду прямая сажень, или 24,696 км, если мерная (о видах древнерусской сажени см.: *Рыбаков Б.А. Из истории культуры Древней Руси. Исследования и заметки*. Издательство Московского университета, 1984. С. 109) ненамного отличается от реального (23 км).

⁸² См.: *Цветков С.Э. Русская история*. Кн. 3. С. 19–21.

⁸³ Там же. С. 22.

⁸⁴ Там же. С. 261, 312.

⁸⁵ Взаимное отчуждение этих двух русских городов было столь велико, что даже в середине XI в., по данным археологии, новгородско-полоцкое пограничье представляло собой обширную зону почти незаселенных лесов (см.: *Древнерусские княжества X–XIII вв.* М., 1975. С. 217; *Цветков С.Э. Русская история*. Кн. 3. С. 23, 343).

⁸⁶ *Цветков С.Э. Русская история*. Кн. 3. С. 343–344.

этого соглашения. С начала своего вокняжения в Полоцке (1044) и в продолжение двадцати лет он не допускал никаких враждебных выступлений против Ярослава и Ярославичей, а в 1060 г., верный союзническим обязательствам, принял участие в общерусском походе на торков.

Но смерть Ярослава подтолкнула Всеслава к поиску дальнейших путей расширения влияния Полоцкой земли и укрепления ее суверенитета. Полоцк уступал Новгороду в том важном отношении, что в нем не было епископской кафедры. Намереваясь сделать из своей столицы церковный центр княжества, Всеслав в 50-х гг. XI в.⁸⁷ начал возведение каменного собора Святой Софии «о семи версах», который должен был стать кафедральным храмом полоцкого епископа. Однако для учреждения Полоцкой епархии необходимо было получить согласие киевского митрополита и, следовательно, Изяслава Ярославича. Дело, вероятно, было бы легко улажено, если бы сюда не примешались два посторонних обстоятельства. Во-первых, как можно думать, созданию Полоцкой епископии всеми силами воспротивились новгородские архиереи – Лука Жидята⁸⁸ и его преемник (с 1061 г.) Стефан. А во-вторых, между Полоцком и Киевом возникли новые территориальные трения. В конце 50-х – начале 60-х гг. XI в. Всеслав предпринял попытку закрепиться в северных областях Дреговичской земли (верховья Свислочи и Птичи), население которых, по-видимому, еще в первой половине этого столетия было обложено данью в пользу полоцкого князя⁸⁹. Действия Всеслава вплотную затрагивали интересы Изяслава как владельца Турово-Пинской волости, образованной в границах расселения основного массива дреговичских племен, неблагоприятно взиравших на подчинение части своих сородичей Полоцком. Пик обострения пограничного спора пришелся на 1063 г., когда Всеслав заложил в верхнем течении Свислочи крепость Меньск (Минск). Исключительно военное предназначение этого укрепленного пункта, выявленное при раскопках Минского кремля⁹⁰, достаточно убедительно характеризует степень накала киевско-полоцкого противостояния в этом районе.

Разумеется, в такой обстановке вопрос об учреждении Полоцкой епископии сделался разменной монетой в отношениях между Полоцком и Киевом, а последующие события, превратившие Всеслава и Изяслава в личных врагов, надолго похоронили саму возможность его обсуждения. Полоцкая епархия была образована только в 1105 г., спустя четыре года после смерти полоцкого князя.

Вот что стоит за неожиданным сообщением летописи под 1065 г.: «В се же лето Всеслав рать почал».

В литературе высказывалось мнение, что действия Всеслава и Ростислава против Ярославичей были согласованы. Однако ввиду огромного расстояния между Полоцком и Тмутороканью это следует признать невероятным⁹¹. К тому же остается непонятным, какие общие интересы могли связывать двух князей-изгоев. Всеслав, несомненно, просто воспользовался тем, что захватом Тмуторокани Ростислав временно отвлек на себя внимание соправителей Русской земли.

Подобно Ростиславу, не желавшему воевать с родным дядей, Всеслав направил свой удар против новгородских владений сына Изяслава, Мстислава. В 1065 г. полоцкое войско подсту-

⁸⁷ О датировке строительства полоцкой Софии (см.: *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля: Очерки истории северной Белоруссии в IX–XIII вв. М., 1966. С. 199; *Раппопорт П.А.* Русская архитектура X–XIII вв. Л., 1982. С. 94).

⁸⁸ См. о нем: *Цветков С.Э.* Русская история. Кн. 3. С. 370, 423.

⁸⁹ *Древнерусские княжества X–XIII вв.* С. 225.

⁹⁰ *Загорюльский Э.М.* Древний Минск. Минск, 1963. С. 112—ИЗ.

⁹¹ Если, конечно, не разделять веру автора «Слова о полку Игореве» в колдовскую силу Всеслава: «Всеслав князь... в ночь волком рыскаше: из Киева дорискаше до кур Тмутороканя». То, что некоторые исследователи полагают возможным использовать этот мифологический фрагмент «Слова» для доказательства союзнических отношений Всеслава с Ростиславом, является курьезом с любой точки зрения, в том числе хронологической, так как ночные набеги Всеслава в Тмуторокань приурочены здесь к короткому периоду его княжения в Киеве, которое имело место в 1068/69 гг., то есть спустя два года после отравления Ростислава.

пило к стенам Пскова, но псковичи отбили нападение, и, видимо, с большими потерями для Всеслава, потому что следующий год прошел спокойно⁹². Однако в 1067 г. Всеслав с новыми силами вторгся в новгородские пределы. Мстислав с войском ожидал его на реке Черехе, в Псковской земле. Произошла битва, закончившаяся полным поражением новгородцев и бегством Мстислава к отцу, в Киев. Столь решительный успех изменил планы Всеслава. Он не стал вторично осаждать Псков, а устремился прямо к Новгороду. Оставшись без князя, новгородцы растерялись. Сопrotивления не было. Полочане с ходу «зая город до Неревьского конца», то есть овладели западной, левобережной половиной Новгорода, где находился княжеский кремль. Эта часть города была предана огню и мечу. С особым рвением грабители орудовали в новгородском соборе Святой Софии, откуда была вывезена вся церковная утварь и даже сняты паникадила и колокола⁹³. Лишая Новгород его «святости» (предметов культа), Всеслав стремился к тому, чтобы принизить его значение как крупнейшего церковного центра Северной Руси; кроме того, это было наказание новгородцам за их неуступчивость в деле создания Полоцкой епископии.

Новгородский погром 1067 г. стал первым случаем разорения русского города в междукняжеской драке.

⁹² Если не считать страхов, возбужденных кометой Галлея 1066 г. и частичным солнечным затмением 22 сентября 1066 г. (см.: *С вятский Д.* *Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения.* Пг., 1915. С. 129–131). Эти небесные явления задним числом помещены в Повести временных лет под 1065 г.: «В си же времена бысть знаменье на западе, звезда превелика, луче имущее акы кровавы, восходящи с вечера по заходе солнечнем, и пребысть за 7 дний. Се же проявляше не на добро, посемь бо быша усобице многы и нашествие поганых на Русьскую землю, си бо звезда бе акы кровава, проявляющи крови пролитье... Пред сим же временем и солнце пременися, и не бысть светло, но акы месяц бысть...»

⁹³ Эти новгородские колокола, перекочевавшие на звонницу Святой Софии в Полоцке, прозвонят потом в «Слове о полку Игореве», где в рассказе о сверхъестественных способностях Всеслава есть такие строки: «Тому в Полотске позвониша заутреню рано у святыя Софеи в колоколы; а он в Кыеве звон слыша».

Преподобный Феодосий Печерский

Если бы Всеслав ограничился только набегом под Псков, то ему, вероятно, так и не пришлось бы иметь дело с Изяславом и его сыном. Но экзекуция над Новгородом вышла далеко за рамки мелкого эпизода в местной распре. Теперь в действиях Всеслава можно было усмотреть «попытку нейтрализовать Новгород, подчинить его Полоцку, захватить контроль над выходом к Балтийскому морю, отрезать Ярославичей от их северного оплота, расколоть русские земли на отдельные – северную и южную зоны влияния и тем самым совершить крупную политическую и территориальную перегруппировку сил»⁹⁴. Поэтому Всеслав встретил дружный отпор со стороны всех трех братьев-соправителей.

Зимой 1067/68 г., невзирая на лютую стужу, объединенные силы Ярославичей ступили на землю Полоцкого княжества. Изяслав использовал благоприятную ситуацию, чтобы по пути

⁹⁴ Франклин С., Шепард Д. Указ. соч. С. 364.

разрушить Меньск, уже четвертый год торчавший у него бельмом на глазу. Меняне «затворившаяся в граде», но это им не помогло. Город был взят штурмом и усердно обезлюжен: победители изрубили всех мужчин, а женщин и детей забрали в полон. 3 марта на реке Немизе/Немиге⁹⁵ Ярославичи сошлись с самим Всеславом. Валил сильный снег, но и он не мог прикрыть обильные потоки крови, пролившиеся с обеих сторон. «И бысть сеча зла, – говорит летописец, – и мнози падоша, и одолеша Изяслав, Святослав и Всеволод, Всеслав же бежа». Резня на Немиге по своей ожесточенности и в самом деле не имела себе равных и потому, видимо, прочно вошла в дружинные предания. Больше ста лет спустя «Слово о полку Игореве» опишет ее со следующими поэтическими подробностями: «На Немизе снопы стелют головами, молотят чепи харалужными [цепями булатными], на тоце [току] живот кладут, веют душу от тела. Немизе кровави брезе не бологом [хлебом] бяхуть посеяни, посеяни костьми русских сынов».

Наступившая весна с ее разливами рек помешала Ярославичам пожать плоды победы; они ушли восвояси, предварительно пригласив Всеслава прибыть летом в Оршу для заключения мира. По-видимому, поражение на Немиге отрезвило полоцкого князя. 10 июля он явился на приглашение, из предосторожности разбив лагерь по другую сторону Днепра. Его недоверие было вполне оправданным, ибо, как показали дальнейшие события, Ярославичи твердо решили любыми средствами избавиться от опасного родственника. В ход пошло самое низкое вероломство. Дружелюбными заверениями, подкрепленными целованием креста, Изяслав, Святослав и Всеволод усыпили подозрительность Всеслава, который, положившись на крестную клятву, вместе с двумя сыновьями и немногочисленной свитой наконец переправился через Днепр в одной ладье. Но не успели полоцкие гости дойти до шатра Изяслава, как были схвачены и отправлены в Киев, в заточение.

Казалось, с покушениями мятежного племянника было покончено навсегда. На самом деле это была только прелюдия к настоящему кризису.

⁹⁵ Спорный гидроним, локализуемый историками как непосредственно под Меньском/Минском, так и между Оршею и Друцком (Соловьев С.М. Сочинения. Кн. I. Т. 1–2. М., 1993. С. 671, примеч. 37).

Глава 5

Чужак на киевском столе

I

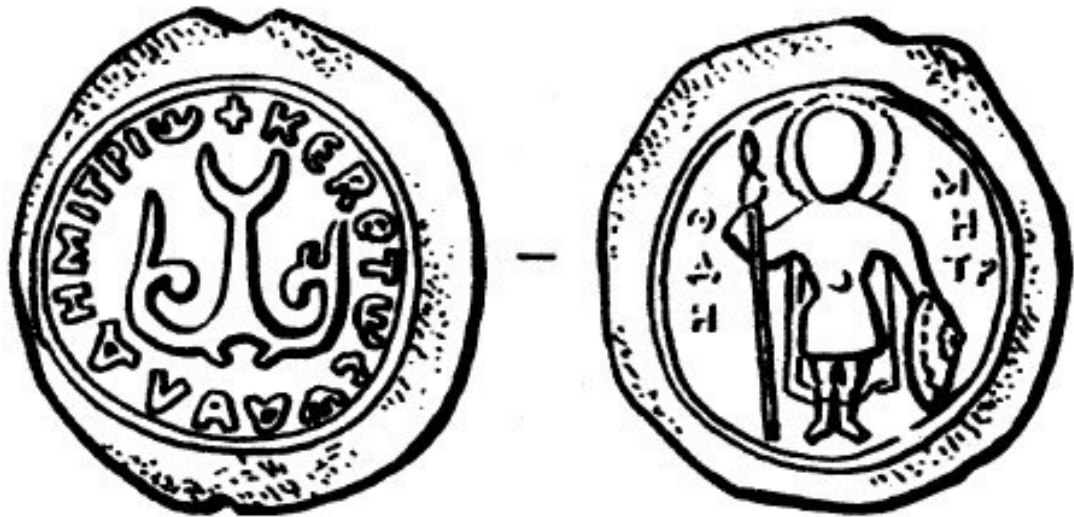
Происшествие в Орше взбудоражило киевлян. Впервые русские князья так цинично надругались над крестоцелованием. Ответственность за попрание клятвы падала, конечно, на старшего князя – Изяслава, который своими действиями грозил навлечь на Русскую землю гнев Божий.

Особенное негодование нечестивый поступок киевского князя вызвал у части насельников Печерского монастыря. К тому времени пустынный холм под Берестовом, пятнадцатью годами ранее облюбованный немногочисленными отшельниками, ископавшими здесь свои «пещеры»⁹⁶, превратился в многолюдную обитель, центр духовного просвещения и летописания. При этом само устройство монастыря было коренным образом преобразовано. Уже второй печерский игумен Варлаам (ок. середины XI в.) вынес на поверхность земли деревянную церковь, а во второй половине 50-х гг. XI в. его преемник, преподобный Феодосий, положил конец пещерному монастырю, поставив над пещерами кельи и окружив их тыном. «Пещерная» традиция иноческого жития не прервалась вовсе, однако с этих пор она стала уделом немногих подвижников, которые вместе с основателем обители, преподобным Антонием, удалились на соседний холм, где устроили новые «пещеры», получившие название «ближних», или Антониевых (в отличие от прежних – «дальних», или Феодосиевых).

Изяслав оказывал покровительство Печерскому монастырю, с игуменом которого его связывала самая теплая дружба. Но дело было не только в духовной притягательности личности Феодосия, смиренного «простеца» и «трудника», создателя нового, русского типа святости – очищенной от аскетических крайностей, со строгим чувством меры, открытой для общения с миром и стремящейся просветить его светом евангельской истины. Феодосий был проводником общежительного (киновийного) идеала иноческой жизни, который приобщал печерское и вообще русское монашество к служению миру, а значит, в той или иной степени и княжеской власти, – и это если не разумом, то инстинктом понимал Изяслав.

Совсем иные отношения складывались у князя с Антонием, который «бе обыкл един жити не терпя всякого мятежа и молвы», и другими приверженцами строгой аскетики. Погруженные в молитвенное уединение в своих «пещерах», они не нуждались в княжеской благотворительности и потому не искали ее. В этой отрешенности от всего мирского была страшная сила, ибо князь не имел никаких рычагов воздействия на печерских отшельников. А между тем последние не боялись идти поперек княжеской воли. Изяславу порой приходилось вступать с ними в жестокие столкновения.

⁹⁶ Цветков С.Э. Русская история. Кн. 3. С. 372–373.

Печать великого князя киевского Изяслава Ярославича

В преданиях Киево-Печерской лавры сохранился один характерный рассказ о том, как Антоний и его ученик Никон постригли в монахи без ведома князя двоих его знатных придворных⁹⁷, уступив их настоятельным просьбам. Изяслав пришел в негодование, что «пещера» отнимает у него лучших людей. Вызвав к себе Никона, он потребовал, чтобы тот убедил беглецов вернуться на княжий двор, грозя в противном случае раскопать «пещеры», а самого Никона вместе с Антонием и всей братией послать в заточение. «Делай что хочешь, – был ответ, – мне не подобает отнимать воинов у Царя небесного». Кончилось тем, что Изяслав, обеспокоенный намерением Антония уйти в другую область, должен был умолять преподобного остаться в киевских «пещерах» и просить у него прощения за свой гнев. Правда, Никон впоследствии все же почел за лучшее переселиться из Киева в Тмуторокань, к Ростиславу.

Изяслав не мог не считаться с огромным нравственным авторитетом печерских старцев. Более того, ему была настоятельно необходима поддержка духовенства, поскольку в последние годы в Киеве зрело недовольство против него. Ему ставили в вину как дурное управление, так и личные нарушения христианского закона. Суть возводимых на князя обвинений помогает прояснить вставленное в Повесь временных лет анонимное поучение под условным названием «Слово о казнях Божиих». Основная мысль этого философско-дидактического произведения сводится к тому, что исторические и природные катастрофы не случайны: посредством их Бог карает грешников, дабы они оставили зло и обратились к добру: «Наводит бо Бог по гневу своему иноплемьники на землю, и тако, скрушенным им, воспомянутся к Богу... Земли ли согрешивши которой любо [какая-либо], казнить Бог смертью, ли [или] голодом, ли наведеньем поганых, ли ведром [засухой], ли гусеницею, ли иными казнями... Да сего ради казни приемлем от Бога всяческия и нахоженья ратных, по Божью повеленью приемлем казнь грех ради наших». Памятник выдержан в предельно отвлеченном духе, в нем нет конкретных имен или ссылок на известные исторические события, но его местонахождение в составе летописной статьи под 1068 г. (между рассказами о нашествии половцев и восстании киевлян) с достаточной очевидностью характеризует его предназначение: объяснить причину бедствий, постигших Русскую землю в конце 60-х – начале 70-х гг. XI в. Стало быть, перечисленные здесь «грехи», переполнившие меру Божьего терпения, имеют непосредственное отношение

⁹⁷ Сына «знатного боярина» Иоанна, Варлаама, позднее ставшего печерским игуменом, и княжеского домоправителя и любимца Ефрема, впоследствии митрополита Переяславского. Мирские имена обоих неизвестны.

ко времени княжения Изяслава. Перечень их довольно велик, и часть из них, по всей видимости, касается злоупотреблений княжеской администрации и вообще киевской знати: лишение «мзды» наемного работника, какие-то «насилия» над «сиротами и вдовицами» и т. п. Но, по крайней мере, четыре обвинения несомненно целят в самого Изяслава. Это, во-первых, инвектива против «уклоняющая суд криве», ибо суд на Руси был прямой прерогативой князя. Во-вторых, сюда же относится упоминание «прелюбодейцев». Супружеские измены Изяслава, его сожительство с наложницами, от которых он имел двух сыновей – Мстислава и Святополка, засвидетельствованы его женой Гертрудой, матерью Ярополка – единственного отпрыска Изяслава, родившегося в законном браке⁹⁸. В-третьих, Изяславу ставили в вину увлечение языческими непотребствами, строго осуждаемыми церковью, – «трубами и скоморохи, гуслими и русальи⁹⁹». То, что в данном случае имеется в виду разгульная жизнь княжеского двора, – бесспорно, поскольку тот же самый стандартный набор княжеских развлечений встречаем в Житии преподобного Феодосия Печерского и ряде других произведений древнерусской литературы. Наконец, в-четвертых, прозрачный намек на Изяслава – нарушителя крестной клятвы – содержится в цитируемых анонимным автором поучения словах Господа: «Буду свидетель скор... на кленущаяся именем моим во лжу».

Само существование такого произведения, как «Слово о казнях Божиих», указывает на то, что часть печерского монашества выступила с обличениями нечестия Изяслава¹⁰⁰, вероятно требуя от него немедленного освобождения Всеслава и более строгого соблюдения христианских норм общественной и личной жизни. Искать обличителей следует среди «пещерных» затворников, и последующий разрыв Изяслава с Антонием подтверждает это.

Раздававшиеся из Печер речи с осуждением поступков князя, угрожавших Русской земле многими «казнями», подтолкнули киевлян к открытому возмущению. Во второй половине лета в городе произошли беспорядки. Подробностей их мы не знаем; известно только, что мятеж был подавлен, а его зачинщики брошены в погреб.

Осенью разразилась катастрофа.

II

В начале сентября 1068 г., после семилетнего перерыва, Переяславское княжество вновь подверглось нашествию степняков. Вторжение было предпринято силами нескольких половецких орд, общим числом не менее 15 000 всадников. На этот раз Всеволод не отважился биться с ними один и запросил помощи у братьев. Через несколько дней Изяслав и Святослав были в Переяславле со своими дружинами; киевский князь привел с собой также городское ополчение. Половцы уже стояли рядом, на реке Альте. Летописец говорит, что битва произошла ночью, не поясняя, впрочем, по чьей инициативе. Но, судя по его замечанию, что «грех же ради наших пусти Бог на ны поганяя, и побегоша Русьские князи», половцы, должно быть, внезапно атаковали русский лагерь. После поражения русское войско распалось: Святослав ушел к себе в Чернигов, а Всеволод укрылся вместе с Изяславом в Киеве.

15 сентября до Киева добрались уцелевшие ратники из городского ополчения. Неудача на Альте не обескуражила их; напротив, они горели желанием поквитаться с «поганями». Их настроение передалось всему Подолу¹⁰¹. На рыночной площади («торговище») собралось сти-

⁹⁸ Цветков С.Э. Русская история. Кн. 3. С. 294, примеч. 1.

⁹⁹ По-видимому, пиршества с обильными возлияниями.

¹⁰⁰ Русское духовенство вменяло себе в прямую обязанность укорять правителей страны за отступление от нравственных заповедей христианства. Преподобный Феодосий позднее так и говорил князю Святославу: «Благый владыко, се подобает нам обличати и глаголати вам...»

¹⁰¹ Подол – торгово-ремесленный посад у подножия киевской «Горы», на которой располагался «княжеский город».

хийное вече, в котором, вероятно, приняли участие и жители окрестных сел, укрывшиеся за городскими стенами от половецкого разбоя. К Изяславу были отправлены послы передать единому требованию киевского «людия»: «Се половци росулися [рассеялись, рассыпались] по земли, дай, княже, оружие и кони, и еще бьемся с ними».

Однако Изяслав «сего не послуша». На то у него было две причины. Вече, собравшееся без ведома князя и городских старшин («старцев градских»), по правовым понятиям того времени считалось мятежной сходкой. И главное, после недавнего бунта Изяслав уже не доверял киевлянам, опасаясь, что розданное народу оружие может быть обращено против него. Но его желание предотвратить повторные беспорядки только ускорило взрыв.

Отказ князя выдать «оружие и коней» не охладил боевого пыла простонародья, а лишь направил его в другое русло. Гнев киевлян немедленно перенесся с половцев на непопулярных лиц княжеской администрации. Толпа двинулась на «Гору» ко двору воеводы Коснячко с намерением расправиться с ним. Возможно, Коснячко исполнял обязанности киевского тысяцкого, предводителя городского полка, и киевляне возлагали на него ответственность за разгром на Альте¹⁰². При приближении погромщиков воевода успел скрыться. Обыскав воеводин двор и не найдя жертву, толпа в нерешительности «сташа» у находившегося по соседству «двора Брячиславля». Как видно, у мятежников не было ни осмысленной цели, ни четкого плана действий. То и другое они обрели здесь, у «двора Брячиславля», – и, конечно, не случайно. Это был двор Всеслава отца, Брячислава Изяславича, союзника и «братанича» Ярослава¹⁰³. Почти сорок лет полоцкие князья хранили верность договору 1021 г., и у Ярославичей не было повода запрещать им иметь в Киеве свою резиденцию. И вот теперь населенный людьми полоцкого князя «Брячиславль двор» сформулировал дальнейшую программу восстания: освободить Всеслава из поруба и посадить его вместо Изяслава на киевском столе. Призывы слуг полоцкого князя были услышаны. Заточенный в порубе Всеслав пользовался симпатиями киевлян как невинная жертва обмана. А клятвопреступление в Орше теперь напрямую связывалось в народном сознании с поражением на Альте, о чем свидетельствует летописная запись, венчающая статью под 1068 г.: «Се же Бог яви силу крестную: понеже Изяслав целовав крест и я и [клялся на нем]; темже наведе Бог поганья... Бог же показа силу крестную на показанье земле Русьстей, да не преступают честнаго креста, целовавшие его; аще ли преступит кто, то и zde прииметь казнь и на придушем [будущем] веце казнь вечную. Понеже велика есть сила крестная: крестом бо побежени бывають силы бесовьския, крест бо князем в бранех пособить, в бранех крестом согражаеми верный людье побежають супостаты противный...» Таким образом, в глазах киевского «людия» победа половцев над Изяславом была очевидным доказательством того, что последний больше неугоден Богу.

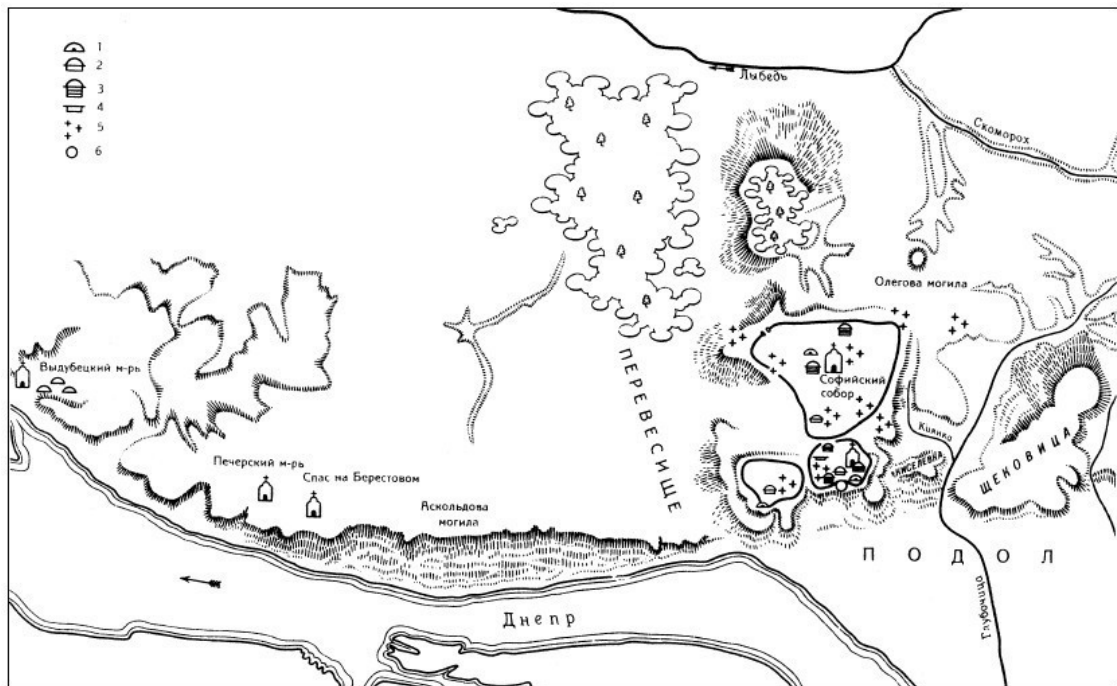
Получив на сходке у «двора Брячиславля» руководство к действию, толпа разделилась надвое. Одна половина, чтобы увеличить силы восставших, двинулась освобождать свою «братью», посаженную в погреб после недавнего мятежа. Другая, предводительствуемая семью десятками человек «чади»¹⁰⁴, устремилась напрямик на княжий двор, где томился в порубе Всеслав. Услышав шум, Изяслав, сидевший в сенях терема с дружиной, подошел к окну.

¹⁰² Согласно Ипатьевскому и Лаврентьевскому летописным спискам, киевляне начали «говорити на воеводу на Коснячка», а по Троицкой летописи – «корити» его. См. также: *Соловьев С.М.* Сочинения. История России с древнейших времен. Кн. I. Т. 1–2. С. 343–344, 672, примеч. 44.

¹⁰³ *Цветков С.Э.* Русская история. Кн. 3. С. 343–344.

¹⁰⁴ Термин «чадь» обычно употребляется в летописи в двояком значении. Одно из них – «жители сел» (см., напр., статью под 1171 г.). Другое – «военные слуги господина», «дружина»: например, «Мирошкина чадь», «Ратиборова чадь» и т. д. Какое толкование следует предпочесть в данном случае? Точного ответа у историков нет. Я склоняюсь к тому, что тут имеются в виду не набившиеся в Киев селяне, а боевые холопы полоцкого князя с Брячиславова двора. Правда, впоследствии летописец называет эту «чадь» «кыянами». Но это можно объяснить либо тем, что вооруженная охрана «двора Брячиславля» набиралась из киевлян, либо – в том случае, если эти люди все-таки были из Полоцка, – тем, что они постоянно проживали в Киеве, женились здесь, обрастали связями и т. д.

Мятежники издали «начаша претися» с ним, требуя выпустить полоцкого князя. Один из княжих дружинников, «Туки, брат Чудин», посоветовал Изяславу усилить охрану у поруба: «Видиши, княже, людье возвыли, пошли, ать Всеслава блюдуть». Однако совет запоздал. В это время на княжий двор ввалился второй отряд мятежников, усиленный освобожденными сидельцами из погреба. Численное превосходство бушевавшей толпы стало настолько подавляющим, а ее намерения так очевидны, что обеспокоенная дружина начала подговаривать Изяслава на крайнюю меру: «Пошли ко Всеславу, ать призвавше лестью ко оконцу, пронзуть и [его] мечем». Но Изяслав не захотел проливать кровь. Видя, что народ с криком двинулся к порубу, князь вместе с братом Всеволодом побежал со двора¹⁰⁵.

Киев и его окрестности в X–XIII вв. (по Л.А. Голубевой):

1 – курганные погребения с трупосожжением IX–X вв.; 2 – курганные погребения с трупосожжением в гр> вой могиле IX–X вв.; 3 – погребения в срубных гробницах IX–X вв.; 4 – погребения в грунтовых могил конца X – начала XI в.; 5 – церковные кладбища XI–XII вв.; 6 – братские могилы XIII в.

Бунтовщики с Подола оказались полными хозяевами княжьего двора и Горы. Топорами и мечами они «высекли» Всеслава из поруба и, поставив освобожденного узника «среди двора князя», тут же совершили обряд «прославления» нового князя¹⁰⁶. Сам же «двор княж» подвергся обыкновенному в таких случаях обряду разграбления: «бещисленное множество золота и серебра» разошлось в этот день по шапкам и зарукавьям победителей. Изяслав в это время был уже далеко от Киева – его путь лежал в Польшу, к свойственнику, польскому князю Боле-

¹⁰⁵ Ученые советской исторической школы с изобретательностью, достойной лучшего применения, пытались изобразить из событий 1068 г. широкое «антифеодалное движение» угнетенных народных масс (историографический обзор см.: Толочко П.П. Вече и народные движения в Киеве // Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха Средневековья. Киевская Русь и ее славянские соседи. М., 1972. С. 131–133; Фроянов И.Я. Начала русской истории. М., 2001. С. 853–854). Можно согласиться с оценкой И.Я. Фроянова, что «события 1068 г. являют собой не антифеодалное восстание или движение, а конфликт киевской общины с князем, вылившийся в политический переворот, смысл которого заключался отнюдь не в простой смене правителей, а в характере и способе замены одного князя другим. Впервые летопись зафиксировала изгнание и призвание князей, осуществленное вечею общины Киева» (Там же. С. 872).

¹⁰⁶ Цветков С.Э. Русская история. Кн. 2. С. 173.

славу II, его двоюродному брату и племяннику жены Изяслава, Гертруды. Куда бежал Всеволод, летопись не сообщает, но можно думать, что он сначала укрылся в черниговских владениях Святослава, а после ухода половцев вернулся в Переяславль¹⁰⁷.

Тем временем половцы продолжали «воевать» днепровское левобережье. Не встречая организованного сопротивления, они широкой облавой опустошили Переяславское княжество и в конце октября уже орудовали возле Чернигова. Святослав не смог оставаться безучастным наблюдателем того, как разоряются его владения. Во главе трехтысячной рати¹⁰⁸ он выступил из города навстречу врагу. 1 ноября под Сновском (несколько севернее Чернигова) черниговцы обнаружили половецкое становище. Половцев было четверо больше; несмотря на это, Святослав стремительной конной атакой («ударил в коня») опрокинул их. Степняки были совершенно разбиты, множество их потонуло в реке Снови, а какой-то половецкий хан, имени которого летопись не сообщает, попал в плен. Эта блестящая победа русской рати – первая в истории русско-половецких войн – положила конец нашествию.

III

Семимесячное княжение Всеслава в Киеве было таким вопиющим нарушением династического порядка, что Повесть временных лет не удостоила его ни слова. Для характеристики этого периода некоторые исследователи привлекали краткое замечание «Слова о полку Игореве» о том, что «Всеслав князь людем судяше, князем грады рядяше». В этих словах пытались увидеть «отражение действительных фактов», какие-то «нововведения судебного порядка, которые были сделаны Всеславом во время его княжения в Киеве»¹⁰⁹. Однако отыскивать в них конкретно-историческое содержание – вполне бесполезное занятие, так как перед нами всего лишь «этикетная» формула, означающая, что Всеслав принял великокняжескую власть во всей ее полноте, со всеми ее прерогативами. Это особенно хорошо видно на примере «рядов» Всеслава с князьями. При буквальном прочтении этого выражения следовало бы заключить, что Всеслав осуществил какие-то территориальные разделы между двумя оставшимися Ярославичами, выступив в роли верховного распорядителя Русской земли (тем, кто «рядит»), или, другими словами, добился от них признания своего статуса старшего князя. Но на самом деле из дальнейшего разворота событий мы видим совершенно другое, а именно что младшие братья Изяслава не поддержали Всеслава и, например, Святослав поспешил вырвать из-под его влияния Новгород, переведя туда из Тмуторокани своего сына Глеба¹¹⁰ (княжить в Тмуторокань был послан другой Святославич – Роман). Всеволод последовал его примеру и утвердил за собой Владимир-Волынский, посадив там своего старшего сына Владимира Мономаха¹¹¹ (как пишет последний в своем «Поучении», вспоминая свои юношеские походы: «То идох Переяславлю отцю, а по велице дни из Переяславля же Володимерю [Волынскому]...»).

¹⁰⁷ Соловьев С.М. Сочинения. История России с древнейших времен. Кн. I. Т. 1–2. С. 672, примеч. 50.

¹⁰⁸ В летописи сказано: «собрал дружину». Но «собрание» князем ратников, как и большая численность черниговского войска, указывают на то, что в данном случае под «дружиной» следует понимать городское ополчение Чернигова. Пример Изяслава стоял перед глазами, и Святослав предпочел выдать черниговцам «оружье и кони».

¹⁰⁹ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси. XI–XIII вв. М., 1955. С. 109.

¹¹⁰ Это означает, что прежний новгородский князь Мстислав Изяславич, изгнанный Всеславом в 1066 г., в Новгород так и не вернулся. Можно предположить, что после захвата Всеслава в 1068 г. Изяслав посадил его княжить в Полоцке. Восстание 15 сентября и освобождение полоцкого князя, вероятно, вынудили Мстислава бежать вслед за отцом в Польшу, так как ниже мы увидим его возвращение в 1069 г. в Киев вместе с Изяславом.

¹¹¹ Со слов самого Владимира известно, что Мономах (в переводе с греческого: Единоборец) – это не прозвище, а родовое имя: «Аз худый дедом своим Ярославом, благословенным, славным, наречен в крещении Василий [в честь святого Василия Великого (Кесарийского)], русьским именем Володимер, отцем возлюбленным и матерью своею Мономах» («Поучение Владимира Мономаха»). По матери Владимир доводился внуком византийскому императору Константину IX Мономаху (Цветков С.Э. Русская история. Кн. 3. С. 425).

Если младшие Ярославичи и не выступили немедленно против Всеслава, то лишь потому, что их волости были страшно разорены недавним нашествием половцев. В этих условиях они предпочли дожидаться возвращения старшего брата с польской подмогой.

И все же кое-что из происходившего в Киеве в те дни попало на страницы древнерусских памятников. Так, в ряде новгородских летописей сохранилось известие о гибели в Киеве новгородского епископа Стефана от рук собственных холопов: «Поиде епископ новгородский Стефан к Киеву, и тамо свои холопи удавиша его» («Летописец новгородским церквам», конец XVI – начало XVII в.); «А Стефана в Киеве свои холопе удавиша» (Археографический список Новгородской Первой летописи младшего извода, XV в.). Событие это датировано 1068–1069 гг., и есть все основания приурочить его к тому времени, когда в Киеве княжил Всеслав. Вероятно, новгородский владыка приехал в Киев весной или летом 1068 г., после ареста полоцкого князя, для того чтобы обсудить с Изяславом вопрос о возвращении в Новгород похищенной из Святой Софии церковной утвари. Восстание 15 сентября и бегство Изяслава сделали епископа Стефана пленником полоцкого князя. Последний, возможно, и не давал прямого приказа расправиться со Стефаном; но даже если убийцы действовали по собственному почину, то, конечно, не без задней мысли, что смерть главного противника церковной самостоятельности Полоцка не будет чересчур неприятна Всеславу. Во всяком случае, отсутствие в новгородских памятниках какого-либо замечания о наказании преступных холопов само по себе достаточно выразительно характеризует отношение Всеслава к этому делу.

Еще один эпизод, по всей вероятности относящийся к этому времени, находим в Житии Феодосия Печерского (в составе пергаменного сборника Успенского монастыря, XII в.) и Киево-Печерском патерике, где он выделен в отдельный рассказ, озаглавленный «О приходе разбойников». Суть его сводится к тому, что некие злодеи решили напасть на Печерский монастырь, перебить всю братию и забрать монастырские богатства, хранившиеся в церковных «полатях», но были остановлены произошедшим на их глазах чудом. Для нас интересно то обстоятельство, что эти «разбойники» – отнюдь не лихие люди с большой дороги. После неудачной попытки ограбления они возвращаются в свои «дома», а затем присылают к преподобному Феодосию депутацию во главе со «старейшиной», чтобы покаяться в преступном замысле. Очевидно, речь идет либо о жителях киевского Подола, либо о свободном населении окрестных сельских общин. Датировка этого происшествия довольно неопределенна – 1066–1074 гг.¹¹² Но имеются веские основания полагать, что мысль о безнаказанном покушении на обитель Феодосия (пользовавшегося покровительством Изяслава, как мы помним) могла возникнуть у киевского простонародья только в семимесячный период правления Всеслава.

Эти отрывочные известия рисуют довольно неприглядную картину жизни Киева, захлестнутого волной убийств и грабежей. Должно быть, мы не ошибемся, сказав, что в мятежном городе не столько Всеслав «судяше людям», сколько сами киевские «люди», почувствовавшие свою силу, судили и рядили по своему усмотрению, сводя счеты с неугодными лицами и не упуская случая поживиться чужим добром. Недаром несколько лет спустя Ярославичи повысят «виры и продажи» за убитых княжских людей: огнищан, тиунов, конюхов, старост, рядовичей, холопов, которых, по всей видимости, в лихолетье 1068–1069 гг. отправляли на тот свет десятками и сотнями.

IV

Киевское княжение Всеслава, а вместе с ним и власть Подола над «Горой» закончились весной 1069 г. В апреле в городе узнали о приближении войска Болеслава II, с которым находился Изяслав. Ополчившиеся киевляне во главе со Всеславом вышли навстречу полякам и

¹¹² Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси. С. 108.

остановились в Белгороде. Вид этого воинства был настолько жалок, что Всеслав, не дожидаясь, когда его раздавят железные дружины Болеслава, ночью, втайне от «кыян», бежал в Полоцк.

Лишившись князя, смутьяны оробели. Они вернулись в Киев и собрали вече. Опасались, что Изяслав обрушит свой гнев на весь мятежный Подол. Чтобы спасти свои головы, решили искать заступничества у Святослава и Всеволода. Правда, мятежный дух еще не полностью выветрился в киевлянах, поэтому покаянная просьба больше походила на угрозу: «Мы уже зло сотворили есмы, князя своего прогнавше; а поидета в град отца своего; аще ли не хочета, то нам неволя: зажегше град свой, ступим в Гречьску землю»¹¹³. Ярославичи и сами не хотели разорения стольного града, в котором они надеялись еще когда-нибудь покняжить. Святослав ответил вече за себя и своего младшего брата: «Ве послеве [мы посылаем] к брату своему; аще поидеть на вы с ляхи губити вас, то ве противу ему [то выйдем против него] с ратью, не даве бо погубити града отца своего; аще ли хочеть с миром, то в мале придеть дружине». Послание к Изяславу звучало более мягко: братья извещали его, что Всеслав бежал из Киева и в городе «противна бо ти нету», просили «не водить ляхов Киеву» и предупреждали, что если он хочет «гнев иметь и погубити град», то пускай знает, что им «жаль отня стола».

¹¹³ На основании этих слов некоторые историки полагали, что верховодило на этом вече киевское купечество, ведущее торговлю с Византией. Но по справедливому замечанию И.Я. Фроянова, ничто не мешает «поставить рядом с купцами умелых ремесленников, производивших продукцию, сбываемую на рынке и тем гарантировавшую им безбедное существование в любом уголке тогдашнего цивилизованного мира. Наконец, высказанная Святославу и Всеволоду угроза могла принадлежать лучшим воинам киевской «тысячи» (городового полка. – С. Ц.), особенно если учесть, что на протяжении XI в. в Византии охотно брали русь на военную службу» (Фроянов И.Я. Указ. соч. С. 868).

Болеслав II Смелый

Но похоже, что Изяслав то ли не уловил прозрачный намек, то ли не придал ему значения.

Для успокоения киевлян он уговорил Болеслава остановить войско и идти дальше с небольшой дружиной. Однако князь возвращался на «отний стол» отнюдь не с миром. Вперед был послан старший сын Изяслава Мстислав, которого киевляне безропотно впустили в город. Оказавшись господином положения, Мстислав подверг Киев дикой расправе. Подол был сожжен¹¹⁴, в городе начались массовые казни. Каратели свирепствовали, не разбирая правых и виноватых. Повесть временных лет сообщает, что Мстислав велел изрубить 70 человек «чади», которые «высекли» Всеслава из поруба, «а другыя слепиша, другыя же без вины погуби, не испытав»¹¹⁵.

¹¹⁴ Об этом сообщает только Новгородская Первая летопись: «В лето 6577 (1069). Приде Изяслав с ляхы, а Всеслав бежа Польшьску; и погоре Подолие».

¹¹⁵ Киевляне небезосновательно возлагали ответственность за эти репрессии непосредственно на Изяслава, что заставило

2 мая Изяслав вступил победителем в залитый кровью город, проехав сквозь толпы при-смиривших киевлян, вышедших к нему на поклон. Не довольствуясь разорением Подола и казнью зачинщиков и участников восстания 15 сентября, он перенес рыночную площадь в «княжеский город» («возгна торг на гору»), дабы предотвратить возможность неподконтрольных власти вечевых сходок. Гонений не избежал даже преподобный Антоний, которого Изяслав обвинил в том, что он любил Всеслава, давал ему советы и вообще был едва ли не главным виновником всей смуты. Житие Антония отвергает эти обвинения, но Изяслав, как видно, считал иначе, поскольку Антония спасло только бегство из Киева. Согласно Житию Антония, преподобного выручил Святослав, чьи слуги тайно вывезли Антония в Чернигов: «...и приела Святослав в ночь, поя Антонья Чернигову».

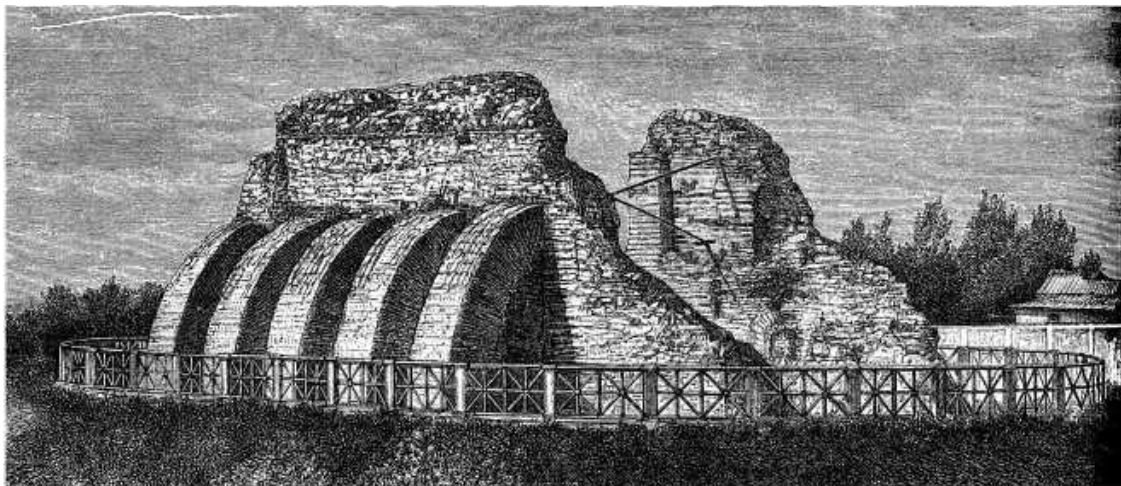

Преподобный Антоний Печерский. Прорисовка иконы

летописца неуклюже оправдывать князя. В посмертном панегирике Изяславу под 1078 г. говорится: сколько ему зла сотворили «кияне»: самого выгнали, дом его разграбили, а он не заплатил злом за зло; если же кто скажет (значит, говорили!), что он казнил Всеславовых освободителей, «то не сам сотвори, но сын его».

Однако, несмотря на учиненную расправу над своими противниками, Изяслав, по-видимому, не чувствовал себя в Киеве спокойно. Об этом говорит тот факт, что он был намерен еще некоторое время опираться на польскую силу. По договоренности с Болеславом II поляки были «распущены» небольшими отрядами «на покорм» в русские города. Но русские люди не пожелали задарма кормить чужеземцев. На поляков началась тайная охота; на них устраивали засады и убивали из-за угла («и избиваху ляхы отай»). Чтобы спасти свое войско от истребления, Болеслав должен был вернуться в Польшу¹¹⁶.

Между тем Всеслав, не помышляя более о Киеве, пытался вернуть себе Полоцкий удел (в том же 1069 г. Полоцк захватил Мстислав, а после внезапной смерти последнего Изяслав посадил там другого своего сына, Святополка). Летопись сообщает, что Всеслав нашел прибежище у вожан – финно-угорских жителей Водской пятины¹¹⁷, входившей в состав Новгородской земли. Это известие свидетельствует о том, что новгородский погром 1066 г. и последующая смута вызвали отпадение от Новгорода части его данников. Возглавив водское войско, Всеслав совершил новый поход на Новгород, но был отражен новгородским «полком» под водительством Глеба Святославича. Дальнейшая борьба Всеслава с Ярославичами изложена в летописи предельно сжато. Под 1071 г. читаем, что Всеслав «выгна» Святополка из Полоцка (неясно, с чьей помощью) и «в се же лето победы Ярополк [Изяславич] Всеслава у Голотическа¹¹⁸» (но Полоцк, по всей видимости, все же остался в руках Всеслава). После этого полоцкий князь выпадает из поля зрения летописцев вплоть до его смерти в 1101 г., «апреля в 14 день»¹¹⁹.

¹¹⁶ В польских хрониках этот неприятный для княжеского гонора инцидент прикрыт наглым бахвальством, а уход Болеслава из Киева представлен как отъезд победителя. Галл Аноним (конец XI – начало XII в.) рассказывает, что Изяслав «попросил Болеслава Щедрого [на прощание] выйти к нему и даровать поцелуй мира в знак уважения к его народу. Поляк на это согласился, и русский дал ему то, что тот хотел. После того как было сосчитано количество шагов коня Болеслава Щедрого от стоянки до установленного места, русский выложил столько же золотых марок. Болеслав же, не сходя с коня, с усмешкой потрепав его за бороду, даровал ему довольно дорогой поцелуй». У Винцентия Кадлубека (конец XII – начало XIII в.) унижительная для русского князя сторона анекдота еще больше усилена: Изяслав домогается «поцелуя мира» для того, чтобы «выглядеть более славным перед своими», и сам предлагает за это деньги, а Болеслав, рассерженный тем, что его «величие соблазняют выгодой», «хватает приближающегося короля [Изяслава] за бороду и неоднократно дергает, словно хочет вырвать», декламируя при этом иронические латинские стихи. По справедливому замечанию А.В. Назаренко, эти рассказы больше характеризуют их авторов, чем события. В частности, польские хронисты совершенно не поняли суть церемонии (если таковая действительно имела место), ибо «подергивание за бороду – не покровительственный жест победителя, а символическое скрепление договора, известное еще со времен викингов» (*Древняя Русь в свете зарубежных источников*. М., 2000. С. 360).

¹¹⁷ Водская пятина – область между Финским заливом и Ладожским озером.

¹¹⁸ Голотическ – пограничный город на русско-литовском порубежье (*Соловьев С.М. Сочинения*. История России с древнейших времен. Кн. I. Т. 1–2. С. 674, примеч. 56).

¹¹⁹ Молчание Повести временных лет о Всеславе в этот период отчасти восполняет «Поучение» Владимира Мономаха.

Золотые ворота в Киеве

Необыкновенная судьба Всеслава – единственного из древнерусских князей, кто, не принадлежа к потомству Ярослава, «коснулся копьём златого стола киевского» (как сказано о нем в «Слове о полку Игореве»), – произвела на современников сильное впечатление. Уже при жизни он воспринимался как поразительное отклонение от нормы, которое необходимо было постигнуть и истолковать. К нему присматривались с разных сторон, порой диаметрально противоположных. Для части киевского монашества, разделявшего политические симпатии и антипатии преподобного Антония, Всеслав так и остался наглядным примером торжества поруганного благочестия. Один из редакторов Повести временных лет, приверженец этой точки зрения на полоцкого князя¹²⁰, вложил ему в уста благочестивую фразу, с которой он якобы вышел на свободу из поруба: «О кресте честный! Понеже к тебе веровах, избави мя от рва сего». Другой переписчик летописи, наоборот, не сомневался, что дело не обошлось без вмешательства темных сил, и потому добавил в хроникальную летописную статью под 1044 г., в которой впервые упоминался Всеслав (его вокняжение в Полоцке после смерти отца), следующие подробности о его личности: «...его же роди мати от волхованья. Матери бо родивши его, бысть ему язвено [околоплодный пузырь] на главе его, рекоша бо волхвы матери его: «Се язвено навяжи на нь, да носить е до живота своего [до конца жизни]», еже носить Всеслав и до сего дне на себе; сего ради немилостив есть на кровопролитье». Позднее народная фантазия еще больше развила тему сверхъестественных способностей Всеслава, слив его фигуру с персонажами былинного эпоса – легендарным князем Всеславом, прародителем русских князей¹²¹, и богатырем-оборотнем Волхом Всеславьевичем. А «смышленный Боян», который, по свидетельству «Слова о полку Игореве», сложил «припевку» о Всеславе, увидел в хитросплетениях судьбы полоцкого князя убедительное доказательство тщеты попыток человека сойти с пути, предуготованного ему Провидением: «Ни хытру, ни горазду... суда Божия не минути».

¹²⁰ По-видимому, преподобный Никон (Великий), убежавший от преследований Изяслава в Тмуторокань (см. выше), о его роли в составлении первого летописного свода см.: *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 420–460.

¹²¹ *Цветков С.Э.* Русская история. Кн. 2. С. 50–54.

Глава 6 Второе изгнание Изяслава

I

Изяслав вернул себе старший стол, но прежние времена не вернулись. За краткий период княжения Всеслава в Киеве союз трех братьев-соправителей дал глубокую трещину. Теперь от него оставалась только видимость былого единства, но и она таяла буквально на глазах.

События 1068–1069 гг. нарушили традиционный баланс сил, державшийся на добровольном соблюдении всеми тремя Ярославичами отцовской заповеди «не преступати предела братня». Вернувшись в Киев после семимесячного отсутствия, Изяслав нашел совсем не ту Русь, которую он оставил. Младшие братья обобрали его почти до нитки, присвоив себе под предлогом борьбы со Всеславом Новгородскую и Владимиро-Волынскую земли. Возвращать захваченное Изяславу никто из них и не думал: Глеб Святославич, как и Владимир Всеволодович, остались сидеть на своих новых столах и после реставрации 1069 г. С потерей в 1071 г. Полоцка владения Изяслава сузились до границ Киевской и Турово-Пинской земель.

Вместе с тем Изяслав увидел, что его братья ведут собственную международную политику, ни в коей мере не отвечающую его интересам. В начале 1070-х гг. младшие Ярославичи заключили серию династических браков, которые косвенным образом вовлекали их в антипольский союз (в составе Германии, Чехии и Дании), возглавляемый юным германским королем Генрихом IV (1056–1106, император с 1084 г.)¹²². Как явствует из сообщений ряда западноевропейских хронистов¹²³, около 1071 г. Святослав женился вторым браком¹²⁴ на Оде, дочери графа Липпольда Штаденского и Иды, графини Эльсдорф. Политическая подоплека этого брачного союза хорошо видна по двум обстоятельствам. Во-первых, Ода состояла в кровном родстве с германским королевским домом, доходясь Генриху IV внучатой племянницей по своей матери¹²⁵. И во-вторых, согласно «Санкт-Галленским анналам», брак Святослава с Одой был заключен при непосредственном участии германского короля, что конечно же «предполагает присутствие большой политики»¹²⁶. В рамках антипольской коалиции была найдена подходящая невеста и для старшего сына Всеволода, Владимира Мономаха. Ей стала Гида, дочь последнего англосаксонского короля Харальда, павшего в битве с нормандскими рыцарями Вильгельма Завоевателя при Гастингсе (1066). От датского хрониста Саксона Грамматика (ум.

¹²² В 1069–1070 гг. Болеслав II напал на чешского князя Брячислава II (1061–1092), являвшегося вассалом германского короля. Кроме того, Польша вмешалась в венгерскую междоусобицу, поддержав противников короля Шаламона, который удерживал престол при помощи Генриха IV.

¹²³ «Анналы» Альберта Штаденского (сер. XIII в.), «Санкт-Галленские анналы» (нач. XII в.), «Анналы» Ламперта Херсфельдского (70-е гг. XI в.). Источниковедческий анализ их сообщений см.: Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 506–524; *Древняя Русь* в свете зарубежных источников. С. 367–370.

¹²⁴ Первая супруга Святослава известна по записи в Любецком синодике (поминальном списке черниговских князей), где она поминается под именем Киликия (видимо, искаженное Кикилия, в латинизированном варианте – Цецилия) см.: Назаренко А.В. Указ. соч. С. 517; Цветков С.Э. Русская история. Кн. 2. С. 50–54.

¹²⁵ Назаренко А.В. Указ. соч. С. 511–514; *Древняя Русь* в свете зарубежных источников. С. 369.

¹²⁶ По сообщению Альберта Штаденского, Ода в юности была отдана в монастырь в Ринтельне, но затем выкуплена оттуда матерью, – как можно думать, по настоянию Генриха IV. «Сам факт выкупа будущей невесты из монастыря, не будучи совершенно уникальным, являлся все-таки чрезвычайным», – замечает А.В. Назаренко, приводя аналогичный случай с другой Одой, дочерью маркграфа северной Саксонской марки, также, несмотря на свое монашество, выданной замуж за польского князя Мешка I (ок. 979/980 г.). Немецкий хронист XI в. Титмар Мерзебургский, порицавший неканоничность этого брака, тем не менее пояснил, что церковные правила были нарушены «ради блага отечества и желания скрепить мир» с Польшей (Назаренко А.В. Указ. соч. С. 514). Очевидно, Генрих IV, благословляя Святослава и Оду, руководствовался подобными же соображениями. См. также: *Древняя Русь* в свете зарубежных источников. С. 368.

1220) известно, что судьбой Гиды распорядился ее двоюродный дядя, датский король Свен Эстридсен (1047–1075/76), приютивший беглянку после того, как та вынуждена была покинуть Англию. Личная встреча Свена Эстридсена с Генрихом IV, положившая начало их союзу, состоялась в 1071 г. в Бардовике, близ Люнебурга; вероятно, на ней и была согласована общая матримониальная политика германского и датского дворов в отношении черниговского и переяславского князей. Ярко выраженный международный аспект династических союзов Святослава и Всеволода недвусмысленно указывает на то, что братья Изяслава сознательно стремились к внешнеполитической изоляции Болеслава II – главного союзника киевского князя.

Но это был еще не предел их мечтаний. В начале 1070-х гг. Святослав и Всеволод усилили нажим на Изяслава по церковной линии, добываясь от него согласия на учреждение в Чернигове и Переяславле титулярных митрополий¹²⁷, что позволило бы им не считаться с главенством Киева в сфере церковной юрисдикции – последним преимуществом Изяслава как старшего князя. Тому удалось временно отвести притязания Всеволода, но в отношении Святослава пришлось пойти на уступки. Слабость позиций Изяслава в этом вопросе была обусловлена тем, что преобразование епископий в митрополии не входило в компетенцию киевского митрополита, будучи исключительной прерогативой Константинополя, где решающий голос в церковных делах принадлежал императорской власти¹²⁸. Внешнеполитическое положение Византии в конце 60-х – начале 70-х гг. XI в. было критическим. При императорах Константине X Дуке (1059–1067) и Романе IV Диогене (1068–1071) империя подверглась сильнейшему натиску турок-сельджуков. Тяжелейшие поражения византийской армии при Мелитене (1067) и Манцикерте (1071) открыли туркам путь в Малую Азию; безвозвратная утрата восточных (армянских) провинций, доставлявших Константинополю наибольшие доходы и лучших солдат, поставила империю на грань катастрофы. В Южной Италии Византия потеряла свой последний оплот – город Бари, захваченный сицилийскими норманнами (1071). Одновременно печенежские племена Подунавья возобновили набеги на балканские земли империи¹²⁹, а половцы проникли в Крым, создав угрозу Херсонской феме и другим византийским владениям на полуострове. В этих условиях лояльность Руси, и в особенности черниговского князя, в чьих руках находилась Тмуторокань – важный стратегический пункт Северного Причерноморья, приобретала для Византии первостепенное значение. Внимание, уделяемое в то время византийскими властями сношениям с Русью, прослеживается по тому факту, что в 1060-х гг. возглавить Русскую церковь было поручено митрополиту Георгию, который носил высокое звание имперского синкелла, указывающее на его близость к патриарху и особое расположение к нему императора¹³⁰. Образование в Чернигове временной титулярной митрополии не могло подорвать каноническую зависимость Русской церкви от Константинопольского патриархата, и потому император Роман IV Диоген удовлетворил просьбу Святослава: черниговский епи-

¹²⁷ То есть присвоения черниговскому и переяславскому епископам одного титула митрополита, без обычных митрополичьих функций, состоявших в административном управлении и судебном надзоре над подчиненными епархиями. В Византии епископов возводили в сан титулярного митрополита пожизненно или на определенный срок, после чего митрополия вновь становилась епископией. Святослав и Всеволод, сами имевшие виды на киевский стол, не были заинтересованы в создании постоянных автокефальных митрополичьих кафедр в Чернигове и Переяславле, что привело бы к дроблению Русской церкви и умалению значения киевского митрополита.

¹²⁸ Поннэ А. Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI столетии // Византийский временник. Т. XXVIII. С. 102–103.

¹²⁹ «Это событие, оставляемое без внимания во всех новых исторических сочинениях, – пишет В.Г. Васильевский по поводу перехода печенегами Дуная, – имеет громадное значение в истории человечества. По своим последствиям оно почти так же важно, как переход за Дунай западных готов, которым начинается так называемое переселение народов... Непосредственной причиной великого движения с запада на восток, то есть Первого крестового похода, насколько эта причина заключалась в положении Восточной империи, были не столько завоевания сельджуков в Азии, сколько грозные и страшные массы орды печенежской, угрожавшей самому Константинополю» (Васильевский В.Г. Указ. соч. Т. I. С. 7–8).

¹³⁰ Поннэ А. Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI столетии // Византийский временник. Т. XXVIII. М., 1968. С. 103; Цветков С.Э. Русская история. Кн. 2. С. 452, примеч. 1.

скоп Неофит был возведен в митрополичий сан¹³¹. Отказ в подобной же просьбе Всеволоду может быть объяснен тем, что в Константинополе, видимо, не желали идти на полный разрыв с Изяславом, формально сохранявшим свое положение старшего князя.

На церковное возвышение Чернигова Изяслав ответил проведением в Вышгороде пышного торжества, призванного продемонстрировать роль Киевского княжества как средоточия главных святых Русской земли. Речь шла об установлении церковного праздника во имя Бориса и Глеба, то есть об официальной канонизации первых русских святых¹³². Изяслав постарался придать празднику вид общерусского церковного торжества под патронатом киевского князя. В Вышгород съехалось все священноначалие Русской церкви – «митрополит Георгий Киевский, [и] други – Неофит Черниговский и епископы Петр Переяславский, и Никита Белгородский, и Михаил Гургевский [Юрьевский]» («Сказание о Борисе и Глебе»), а также игумены Печерского, Михайловского, Спасского и других монастырей; Святослав и Всеволод, разумеется, должны были последовать примеру духовных владык. 2 мая 1072 г. состоялась церемония открытия мощей Бориса и Глеба и перенесения их из обветшавшей вышгородской церкви Святого Василия в новую деревянную церковь, освященную во имя братьев-мучеников. Соправители весь день держались дружно; Святослав не упустил случая приложиться к руке святого Глеба, чтобы исцелить мучивший его фурункул («веред») на шее. Со стороны могло показаться, что пора обид миновала, и Повесть временных лет рисует почти идиллическую картину братского согласия, говоря, что после литургии «вся братия идоша с бояры своими... и обедаша вкупе с любовию с великою, и празноваша празднество светло, и много милостыни сотвориша убогим; и целовашеся мирно, и разыдошася каждо их восвоися».

Кто бы мог подумать, глядя на эти лобзания и заверения в любви, что двое из целующихся братьев готовы пожрать третьего, а тот, в свою очередь, не испытывает ни малейших сомнений в их подлинных намерениях? Впрочем, Ярославичам было не привыкать изрекать лживые клятвы медоточивыми устами.

Съезд в Вышгороде завершился принятием ряда дополнений и поправок к древнейшему своду Русской Правды (Правде Ярослава), которые были объединены в Правду Ярославичей¹³³. Суть этих узаконений поясняет ремарка анонимного кодификатора так называемой Пространной редакции Русской Правды: «По Ярославе же паки совокупившеся сынове его: Изяслав, Святослав, Всеволод и мужи их: Коснячко, Перенег, Никифор¹³⁴ и отложиша убиение за голову,

¹³¹ По всей видимости, в 1070 г., так как в 1069 и 1071 гг. Роман Диоген подолгу отсутствовал в Константинополе, воюя с турками-сельджуками в Сирии и Малой Азии, и, следовательно, не имел возможности обсудить данный вопрос с посланцами черниговского князя. Между тем в 1072 г. Неофит уже носил сан митрополита, о чем свидетельствует «Сказание о Борисе и Глебе» и Житие Феодосия Печерского, см.: *Поптэ А.* Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI столетии // *Византийский временник.* Т. XXVIII. С. 97; *Щанов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. С. 56–58.

¹³² Греческие иерархи крайне неохотно позволяли национальным церквям, находившимся под юрисдикцией Константинопольской патриархии, обзаводиться собственными святыми (см.: *Цветков С.Э.* Русская история. Кн. 3. С. 189–190, 273–276). Двусмысленная позиция, занятая в этом вопросе киевским митрополитом Георгием, который согласился на канонизацию Бориса и Глеба, несмотря на личный скептицизм по отношению к новоявленным святым («баше бо нетвердо веруя ко святыма»), заставляет думать, что Византия таким образом старалась умиротворить Изяслава за решение относительно Черниговской митрополии.

¹³³ Составление Правды Ярославичей обычно датируется довольно широким промежутком времени между 1054 и 1073 гг. Однако в ее тексте есть прямые указания на 1072 г. Одна из ее статей говорит о 80-гривенной вине за убитого «старого» (старшего) конюха, поясняя, что именно такую вину «уоставил Изяслав в своем конюхе», которого убили дорогобужцы. Дорогобуж – город в Волынской земле, лежавший как раз на пути Изяслава при его бегстве в Польшу осенью 1068 г. и возвращении с польским войском весной 1069 г. Разумно считать, что покушение дорогобужцев на жизнь княжьего конюха произошло в 1068 г., когда Изяслав был беззащитным беглецом, а их обложение тяжелой виной – в 1069-м, когда князь был снова в силе. Но законом это судебное нововведение Изяслава сделала Правда Ярославичей, принятая на совещании трех братьев-соправителей. Между тем после событий 1068–1069 гг. Ярославичи «совокупившеся» только однажды – на Вышгородском съезде 1072 г.

¹³⁴ Заголовок Правды Ярославичей добавляет в список «княжих мужей» еще Чудина и Микулу. Почти все эти люди известны по памятникам XI в. Коснячко – это знакомый нам воевода Изяслава, едва не убитый киевлянами 15 сентября 1068 г. Киевский двор Никифора (Никифора) упоминается в Повести временных лет как место хорошо известное в городе. Чудин в 1072 г. «держал» Вышгород, то есть был там княжьим посадником. Микулу обычно отождествляют с Николой из Сказания о

но кунами ся выкупати; а ино все яко же Ярослав судил, такоже и сынове его уставиша». Выражение «отложиша убиение за голову» довольно часто понимается как полная отмена кровной мести. Однако с этим нельзя согласиться, ибо соответствующая статья Правды Ярослава о кровничестве («Убьет муж мужа, то мстит брату брата, или сынови отца, любо отцу сына» и т. д.) никуда не исчезла и с небольшими вариациями продолжала включаться во все последующие редакции Правды, что не позволяет считать ее утратившей юридическую силу. Законодательные новшества Правды Ярославичей заключались в другом – они были ответом на массовые убийства княжских людей во время недавних беспорядков. Поскольку эти преступления совершались не одиночными преступниками, а целыми общинами, многолюдными толпами горожан и селян, то применение древнего права на месть погрузило бы страну в кровавую пучину расправ и самосудов. Изяслав первый понял это и подал пример выгодного для власти компромисса, обложив крупным денежным штрафом провинившихся жителей Дорогобужа. Таким образом, Правда Ярославичей поправила древнерусское законодательство в двух пунктах: во-первых, поставила вне закона акт кровной мести в отношении свободных общинников («людей»), совершивших убийство «княжских мужей», и, во-вторых, резко повысила размеры уголовных «вир» и «продаж» – с 40 до 80 гривен¹³⁵. Остальное, в том числе и право кровной мести при уголовных тяжбах между самими «княжими мужами», осталось в неприкосновенности, «яко же Ярослав судил».

II

Как ни важно было Изяславу вновь показаться всему свету в роли старшего князя на вышгородских торжествах, разжать внешнеполитические клещи, которыми братья защемили его княжеский удел, было еще важнее. И он не сидел сложа руки. Династическим союзам своих братьев Изяслав противопоставил собственную матримониальную комбинацию. Не позднее 1072 г. он заключил два брачных договора, тесно связавшие его с маркграфом восточной Саксонской (Нижнелужицкой) марки Деди, который в 1068–1073 гг. открыто враждовал с Генрихом IV. Дело касалось двух сыновей Изяслава – младшего, Ярополка, и среднего, Святополка. Первый женился на падчерице самого Деди по имени Кунигунда. Второму восточносаксонский маркграф сосватал свою племянницу, дочь чешского короля Спытигнева I (1035–1061), женатого на сестре маркграфа Деди. Необходимо принять во внимание, что сын Спытигнева, Фридрих-Святобор, после смерти отца был изгнан своим дядей Брячиславом II (младшим братом Спытигнева) из Чехии и укрывался не то в Польше, не то в Восточносаксонской марке. Таким образом, в шурьях у Святополка оказался претендент на чешскую корону¹³⁶.

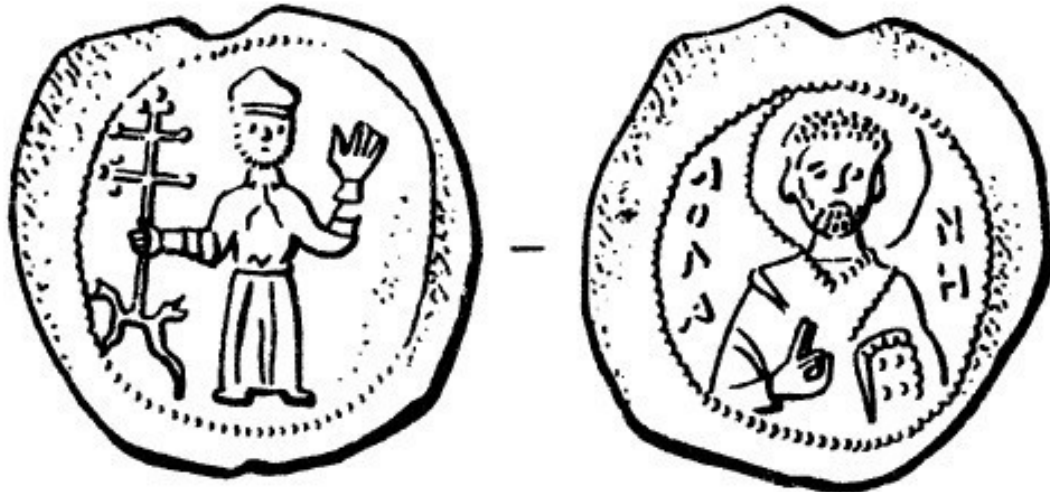
В то же время и по той же причине Изяслав пошел на мировую со Всеславом. В 1072 г. Киев и Полоцк договорились о прекращении военных действий, чем, по всей видимости, и объясняется отмеченное выше «исчезновение» Всеслава из летописи после 1071 г. как действующей фигуры древнерусской политической жизни¹³⁷.

перенесении мощей Бориса и Глеба – старостой вышгородских «огородников» (или городников, то есть городской корпорации, ведающей строительством и охраной городских укреплений) (см.: *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси. XI–XIII вв. С. 130–131; *Фроянов И.Я.* Начала русской истории. С. 520). Перенег по другим источникам неизвестен.

¹³⁵ *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. С. 116; *Романов Б.А.* Люди и нравы Древней Руси: Историкобытовые очерки XI–XII вв. М., 2002. С. 82–86.

¹³⁶ *Назаренко А.В.* Указ. соч. С. 524–528, 576.

¹³⁷ Точно так же отец Всеслава, полоцкий князь Брячислав Изяславич, перестал интересоваться летописца сразу же после заключения им в 1021 г. союзного договора с Ярославом.

Печать Святослава Ярославича

Однако, несмотря на принятые Изяславом меры предосторожности, развязка наступила быстро. Уже в 1073 г. между братьями-соправителями произошел открытый разрыв. Летопись не называет конкретных побудительных мотивов выступления младших Ярославичей против старшего брата. Это было зло в чистом виде, ибо Святослав и Всеволод своим поступком «преступили заповедь отню, паче же Божию... не добро есть воступати во предел чужаго», а причину зла древнерусские книжники знали очень хорошо: «Воздвиже диавол котору [распрю] во братии си Ярославичех. Бывши распри межи ими, быв себе Святослав со Всеволодом на Изяслава». Из дальнейшего повествования можно понять, что Святослав и Всеволод были крайне обеспокоены сближением Изяслава с полоцким князем: «Святослав же бе начало выгнанию братню, желая власти; Всеволода бо прельсти, глаголя: «яко Изяслав свадится со Всеславом, мысля на наю [нас]; да аще его не предим [упредим], имать наю [нас] прогнати»; и тако взостри Всеволода на Изяслава». Как можно видеть, переяславский князь представлен здесь невольным пособником честолюбивых помыслов Святослава, что конечно же никак не вяжется с его предыдущими поступками, которые, впрочем, также заботливо опущены летописцем¹³⁸. Но вряд ли подлежит сомнению, что инициатива в деле «выгнания братня» действительно исходила от Святослава. Психологически это понятно: 46 – летний Святослав просто *заждался* великокняжеского стола. Что касается даты его выступления против Изяслава, то она находит свое объяснение в контексте международной политики тех лет. Дело в том, что на 1073 г. намечался совместный германо-чешский поход в Польшу¹³⁹, и Святослав, безусловно, был оповещен об этом Генрихом IV. Нельзя с точностью сказать, имела ли место между ними договоренность о синхронизации военных действий, но, начиная в 1073 г. борьбу с Изяславом, Святослав, несомненно, рассчитывал на то, что польский союзник киевского князя Болеслав II не будет в состоянии оказать помощь своему протеже.

Для Изяслава повторились худшие дни 1068 г. Не чувствуя за собой поддержки киевлян, он бежал из Киева вместе с сыновьями при первом известии о приближении черниговско-переяславского войска. Город без боя сдался победителям. 22 марта 1073 г. Святослав провозгласил себя киевским князем. Политическая система Ярослава рухнула окончательно.

¹³⁸ Редактура Повести временных лет в благоприятном для Всеволода свете была проделана, вероятно, в период его собственного княжения в Киеве или при его сыне, Владимире Мономахе.

¹³⁹ Назаренко А.В. Указ. соч. С. 521.

III

Выгнав старшего брата, Ярославичи приступили к новому переделу Русской земли. Святослав уступил Всеволоду Чернигов¹⁴⁰, взяв себе взамен Ростово-Суздальскую землю и Белоозеро. Владимир Мономах был выведен из Владимира-Волынского в Переяславль (вместе с которым он, кажется, получил и Туров¹⁴¹), а на его место сел сын Святослава Олег. Глеб сохранил за собой Новгород, третий Святославич, Роман, по-прежнему держал Тмуторокань¹⁴². Авторитет великокняжеской власти был восстановлен даже в больших масштабах, нежели при Изяславе.

Вероятно, тогда же Святослав удовлетворил церковные претензии Всеволода, учредив в Переяславле титулярную митрополию, по образцу черниговской. Житие Феодосия Печерского (в Успенском сборнике XII в.), рассказывая о переяславском епископе Ефреме, говорит, что он «поставлен бысть митрополитом в городе Переяславли». Согласно внутренней хронологии памятника, это произошло между 1073 и 1077 гг.¹⁴³

За совершенные церковные уступки император Михаил VII Дука (1071–1078) потребовал от Святослава военной помощи против отложившихся от Византии болгар и херсонесцев. Святослав обещал выступить против болгар сам, а на Херсон послать своего сына Глеба и Владимира Мономаха, но переговоры затянулись, и оба похода, по всей видимости, так и не состоялись¹⁴⁴. В то время, указывает Анна Комнин, Византия «не имела ни боеспособного войска, ни достаточного количества денег в царской казне, чтобы на них можно было найти вспомогательные войска из чужеземцев».

Киевляне, видимо, относились к Святославу достаточно лояльно, памятуя, что в 1069 г. он пытался удержать старшего брата от расправы над мятежным городом. Во всем Киеве один Феодосий Печерский, как повествует его Житие, беспрестанно обличал нового князя в том, что он не по праву сел на братний престол. Преподобный отказывался от встреч со Святославом, запретил поминать его имя в своей церкви и однажды послал ему большое обличительное письмо, в котором приводил имена нечестивых братоубийц древности и между прочим писал: «Голос крови единокровного брата твоего вопиет на тебя к Богу, как кровь Авелева на Каина!» Вероятно, в это время печерское монашество приступило к переосмыслению культа

¹⁴⁰ Б.Д. Греков полагал, что Святослав оставил Чернигов за собой (см.: *Греков Б.Д.* Киевская Русь. С. 495–496), свидетельством чему вроде бы служит известие Жития Феодосия Печерского (в составе Киево-Печерского патерика) о том, что после вступления Святослава и Всеволода в Киев «единому седшу на столе том брата и отца, другому же возвратившуся вспять в область свою», то есть в Переяславль. Однако имеется прямое летописное указание на пребывание Всеволода в Чернигове (статья под 1076 г.).

¹⁴¹ См. его «Поучение».

¹⁴² В ту пору у Святослава был еще один взрослый сын Давыд, но названия волости, где он княжил, летописи не сообщают. Состав семейства Святослава этого времени известен по миниатюре в Изборнике 1073 г. На ее заднем плане изображено взрослое поколение Святославичей: Глеб, Олег, Давыд, Роман (все с бородами). На переднем плане, рядом с самим Святославом, стоит его германская супруга Ода (названная в надписи просто «княгиней»), которая держит руку на плече их сына – годовалого или полуторагодовалого Ярослава.

¹⁴³ *Шапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. С. 56–58.

¹⁴⁴ О переговорах греков со Святославом известно со слов Татищева: «Михаил, царь греческий, иже отца своего Романа царства лишивше, сам приял, но вскоре от болгар побежден, и корсуняне ему отреклися, прислал ко Святославу послов со многими дарами и обещаниями, прося его и Всеволода о помощи на болгар и корсунян. Святослав же, согласяся со Всеволодом, хотел на болгар сам идти с сыны, а Владимира сыновца [то есть своего племянника] и с ним сына Глеба послал на корсунян, но вскоре сам разболевся, послов отпустил с тем, что сам немедленно пойдет или сынов своих пошлет. По смерти же Святослава пришла от грек ведомость, что Михаил умер, а царство приял Никифор. Всеволод же войско все распустил в дома и сына Владимира из Корсуна возвратил» (цит. по: *Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 411–412). В целом татищевское известие хорошо вписывается в картину русско-византийских отношений этого времени. Но достоверность сообщения о захвате русскими Херсона крайне сомнительна, поскольку Владимир Мономах в своем «Поучении», перечисляя совершенные им в молодости походы, ни словом не упоминает этот эпизод.

Бориса и Глеба: если до сих пор святые братья-мученики почитались только как целители¹⁴⁵, то теперь они становятся примером безусловного послушания родовому долгу, святыми страстотерпцами, чей подвиг заключался в отказе «возняти руку на брата старейшего».

Святослав гневался, грозя Феодосию заточением, но так и не осмелился причинить какое-нибудь зло праведнику, которого чтит вся Русь. В сущности, этот честолюбец и клятвопреступник был очень набожен. От него остались два великолепных Изборника (1073 и 1076), на одном из которых красуется его надпись: «Не оставь, Господи, без внимания стремлений моего сердца! Но прими нас всех [то есть княжескую семью] и помилуй!» Житие Феодосия особо подчеркивает зависть Святослава к тому, что Изяслав имел в своей области столько святых мужей (вспомним в этой связи организацию побега Антония в Чернигов). Вероятно, не желая повторять ошибок брата, потерявшего расположение Антония и Никона, Святослав крепился, терпеливо снося Феодосиевы укоры и жертвуя на монастырь большие суммы. В 1073 г. он заложил в Киеве знаменитую Великую Печерскую церковь и отписал монастырю собственное село. В конце концов непреклонный игумен Печерской обители смягчился, перестал открыто бранить Святослава, разрешил поминать его имя на литургии (правда, только после Изяслава) и даже начал заходить на княжий двор, чтобы душеполезной беседой наставить князя в братолюбии.

На примирительный дух Феодосия также могла настроить та решительность, с которой княжеская власть подавила всплески языческих волнений на окраинах Руси. Судя по тому, что эти эпизоды были включены в Повесть временных лет в виде пространных нравоучительных новелл, печерские книжники с большим одобрением отнеслись к жестким действиям Святославовой администрации по искоренению дьявольского «бесованья».

¹⁴⁵ Цветков С.Э. Русская история. Кн. 3. С. 333.

Леонтий, епископ Ростовский

С особенной силой «бесовское наущенье и действо» проявилось в Ростовской земле, где язычество крепко держалось среди местного славяно-финского населения¹⁴⁶. В начале 70-х гг. XI в. Верхнее Поволжье поразил недород. Толпы голодных людей бродили по городам и весям в поисках пропитания. Бедствием немедленно воспользовались языческие жрецы, направившие народное недовольство в выгодное для себя русло. По всему краю прокатилась волна убийств и погромов. Нападению подвергались в первую очередь христианские центры – города, погосты и княжеские села. Беспорядки в Ростове закончились гибелью епископа Леонтия, растерзанного взвинченной жрецами толпой язычников. Под Ярославлем мутили воду какие-то два волхва, объявившие, что знают, «кто держит обилие» (задерживает урожай). Во главе голодных толп они двинулись вверх по Волге, избивая по погостам «лучших жен» – смотрительниц и ключниц княжьих и боярских дворов, которых называли также «большухи гобиньных (богатых) домов»¹⁴⁷. Волхвы говорили про них: «Эта держит жито, а эта мед, эта рыбу, а та меха» – и, умертвив женщин, «отымали» себе их «именье». Для демонстрации своих колдовских способностей, говорит летопись, они также заставляли людей приводить к ним своих сестер, матерей, жен, над которыми проделывали некий ритуал: «в мечте» (символически) взрезали у них заплечья и вынимали оттуда «либо жито, либо рыбу»; многих затем тут же убивали. Здесь Повесть временных лет в несколько искаженном виде описывает обряд, который в первой половине XIX в. этнографы наблюдали в мордовских селах. Перед деревенскими праздниками, по обычаю сопровождавшимися пирами-братчинами, особые уполномоченные обходили дома, собирая съестные припасы в фонд общинного пиршества и языческих жертвоприношений. Хозяйки, приготовив в мешке разную снедь, становились спиной к дверям и поджидали их прихода. Те входили в дом, разрезали мешок, вынимали его содержимое и наносили в спину или плечи хозяйке легкие уколы ритуальным ножом¹⁴⁸. Эта этнографическая параллель позволяет разглядеть в волхвах и их сообщниках представителей восточнофинской «чуди» (скорее всего, мерянских племен, к тому времени почти ассимилированных славянами), тем более что именно финские поверья объясняют неурожай женским чародейством. Можно предположить, что, захватив погосты и села, волхвы заставляли жителей устраивать для них пиршества, которые заканчивались трагически для богатых женщин. Впрочем, если верить «Летописцу Переяславско-Суздальскому», четкого различия по половому признаку среди жертв колдовских ритуалов не было: «Много жен и муж погубиша».

От Волги волхвы повели свою ватагу вверх по Шексне к Белоозеру. По пути число их сторонников выросло до 300 человек – цифра для слабозаселенного края совсем не маленькая. Молва об их бесчинствах бежала впереди, и напуганные белозерцы обратились за помощью к Яну Вышатичу¹⁴⁹, которому в то время «приключися прити от Святослава» собирать дань в этих местах. Отряд Яна насчитывал всего 12 «отроков» (младших дружинников) и одного священника («попина»). Видимо, не имея точных сведений о силах бунтовщиков, Ян отправился наводить порядок. Стоянка волхвов была обнаружена им в окрестностях города, на опушке леса. Как можно думать, важнейшие дела восставшие решали в «кругу», на общей сходке, поскольку Ян через своих отроков вступил в переговоры не с волхвами, а со всеми, кто был в лагере. Первый его вопрос был: «Чьи они смерды?»¹⁵⁰ Те ответили, не таясь, что «Святослава».

¹⁴⁶ Там же. С. 170–173.

¹⁴⁷ Там же. С. 347.

¹⁴⁸ Мельников П.И. Очерки мордвы // Русский вестник. № 9. 1867. С. 245; Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 362.

¹⁴⁹ Ян Вышатич – сын киевского воеводы Вышаты – героя похода 1043 г. на Царьград (см.: Цветков С.Э. Русская история. Кн. 3. С. 409, 411).

¹⁵⁰ Слово «смерд» здесь употреблено в значении «подданные», «данщики» (см.: Цветков С.Э. Русская история. Кн. 2. С. 213). Должно быть, Ян хотел убедиться, что среди пришедших издалека мятежников нет подданных новгородского князя Глеба Святославича.

Тогда Ян потребовал выдать ему волхвов, «яко смерда еста моего князя». Получив отказ, Ян вознамерился лично пойти к язычникам, чтобы добиться своего, но отроки, осведомленные о настроениях в лагере, отсоветовали ему делать это: «не ходи без оружия, осоромят тя». Ян взял топор и велел им следовать за ним. Навстречу горстке храбрецов высыпала вся орава ослушников. Трое из них, выйдя вперед, попытались остановить Яна угрозой: «Смотри, на смерть идешь, не ходи». Однако Ян был настроен решительно. Приказав отрокам убить нахалов, он зашагал дальше практически в одиночку. Разъяренная толпа бросилась на него. Первый из добежавших занес над ним топор. Ян, опытный воин (к тому времени ему должно было быть под пятьдесят), играючи отбил удар и обухом своего топора поверг врага наземь. Подоспевшие отроки продемонстрировали не менее виртуозное владение оружием. После короткой схватки язычники в панике бежали в лес; правда, они все же сумели убить Янова «попина».

Вернувшись в Белоозеро, Ян возложил обязанность поимки беглецов на горожан, а чтобы приободрить их, пригрозил в противном случае остаться у них на целый год: «Аще не имете волхву сею, не иду от вас и за лето». Отважный воин несомненно дал волю своей иронии, но на самом деле угроза была нешуточной. Согласно статье 42 Краткой Правды, сборщик дани и вир мог требовать с местного населения на неделю 7 ведер солоду, барана или половину говяжьей туши либо деньгами 2 ногаты; в среду и пятницу полагалась ему голова сыра, ценой в резану; ежедневно, кроме того, по 2 куры, а хлеба и пшена вдосталь, «колко могут изъести» он и его спутники. Кони приезжих становились на полное овсяное довольствие¹⁵¹. О том, сколь отяготительными для населения были постой «княжих мужей», говорит тот факт, что закон запрещал последним задерживаться в одном месте больше недели.

Отсюда понятно, почему белозерцы предпочли ловить по лесам «кудесников», нежели остаться до следующего лета в приятном обществе Яна и его двенадцати спутников. В скором времени волхвы были пойманы и доставлены к Яну на суд. Допрос смутьянов превратился в маленький религиозный диспут. Летописец изложил его содержание, видимо, со слов Яна, но при этом заставив волхвов говорить в терминах христианского богословия, понятных читателям Повести временных лет. «Чего ради погубиста толико человек?» – спросил Ян. Волхвы отвечали: «Потому, что те держат обилье, и, если истребим их, будет всего вдоволь. Хочешь, пред тобою вынем жито или рыбу или что иное?» – «Все вы лжете, Бог сотворил человека из земли, состоит он из костей и кровяных жил, и нет в нем ничего другого, а если и есть, то никто, кроме Бога, того не знает». – «А мы знаем, как сотворен человек», – возразили волхвы. «Как же?» – «Мылся бог в бане, отерся ветошкой и бросил ее с небес на землю; и заспорил сатана с богом, кому из нее сотворить человека, и сотворил дьявол тело человека, а бог в него душу вложил; потому, когда человек умрет, тело его идет в землю, а душа к богу»¹⁵². – «Поистине прельстил вас бес! – продолжал Ян. – Какому богу веруете?» – «Антихристу». – «А где он?» – «Сидит в бездне». Ян победоносно закончил спор: «Какой же это бог, раз сидит в бездне? Это

¹⁵¹ Романов Б.А. Указ. соч. С. 84.

¹⁵² Подобная легенда о сотворении человека действительно существовала у нижегородской мордвы. В передаче В.О. Ключевского ее содержание таково: «У мордвы два главных бога, добрый Чампас и злой Шайтан (сатана). Человека вздумал сотворить не Чампас, а Шайтан. Он набрал глины, песку и земли и стал лепить тело человека, но никак не мог привести его в благообразный вид: то слепок выйдет у него свиный, то собакой, а Шайтану хотелось сотворить человека по образу и подобию божию. Бился он, бился, наконец позвал птичку-мышь – тогда еще мыши летали – и велел ей лететь на небо, свить гнездо в полотенце Чампаса и вывести детей. Птичка-мышь так и сделала: вывела мышат в одном конце полотенца, которым Чампас обтирался в бане, и полотенце от тяжести мышат упало на землю. Шайтан обтер им свой слепок, который и получил подобие Божие. Тогда Шайтан принялся вкладывать в человека живую душу, но никак не умел этого сделать и уже собирался разбить свой слепок. Тут Чампас подошел и сказал: «Убирайся ты, проклятый Шайтан, в пропасть огненную, я и без тебя сотворю человека...» Спорили, спорили, наконец порешили разделить человека: Чампас взял себе душу, а Шайтану отдал тело... Оттого, когда человек умирает, душа с образом и подобием Божиим идет на небо к Чампасу, а тело, лишаясь души, теряет подобие Божие, гниет и идет в землю к Шайтану. А птичку-мышь Чампас наказал за дерзость, отнял у нее крылья и приставил ей голенький хвостик и такие же лапки, как у Шайтана. С той поры мыши летать перестали» (Ключевский В.О. Указ. соч. С. 304–305).

бес, а Бог на небеси, сидит на престоле, славимый ангелами, в страхе предстоящими Ему и не смеющими взглянуть на Него. Один из них, которого вы зовете Антихристом, за высокомерие и был свергнут с небес и пребывает в бездне до тех пор, пока Бог не сойдет с небес, не свяжет Антихриста и не посадит его вместе с его слугами и верующими в него. А вам, – заключил Ян, – и здесь придется принять муку от меня, и по смерти на том свете». Волхвам, однако, их судьба рисовалась иначе: «Наши боги говорят нам, что ты ничего не можешь нам сделать». – «Врут вам боги!» Но волхвы стояли на своем: «Нам подобает предстать перед Святославом, а ты не можешь сделать с нами ничего».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.